
A 203/110

О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

I.

КАКЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПРОВЕЛЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ КАКЪ И ЧЕМУ УЧИЛСЯ.

II.

КАКЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ДОБЫЛЪ МОРЕ И СОЗДАЛЪ РУССКІЙ ФЛОТЪ.

С. РОЖДЕСТВЕНСКАГО.

СЪ 12-Ю РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ.

ИЗДАНІЕ УЧРЕЖДЕННОЙ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПОСТОЯННОЙ КОММИСІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 30 ноября 1872 года.

ова. (На Петербург. стор., Колпинск. ул., д. № 23).

Императоръ
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

КАКЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПРОВЕЛЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ, КАКЪ И ЧЕМУ УЧИЛСЯ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ въ Россіи царствовалъ Алексѣй Михайловичъ. Онъ былъ второй царь изъ нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Первый же былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, отецъ его. Тридцатаго мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ Москвѣ, въ Кремлѣ раздался колокольный звонъ. Это была вѣсть жителямъ Москвы, что у царя родился царевичъ. Новорожденнаго назвали Петромъ, а святое крещеніе онъ принялъ въ день своего ангела, 29 іюня, на праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла. Этотъ-то царевичъ и сдѣлался потомъ великимъ государемъ, возвеличилъ Россію и наполнилъ славою своего имени весь свѣтъ. Посмотримъ-же, какъ изъ него вышелъ великій царь, какъ онъ воспитывался, какъ и чему учился въ молодости.

Петръ родился отъ второй супруги Алексѣя Михайловича. Объ избраніи царемъ этой супруги сохранилось слѣдующее преданіе. Былъ у Алексѣя Михайловича царедворецъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, незнатный ни родомъ, ни саномъ, но человѣкъ доброй души, безкорыстный, усердный къ службѣ, кромѣ того, образованный и начитанный. Царь очень любилъ его и часто бывалъ у него. Нерѣдко онъ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ умныхъ разговорахъ. Еще чаще Алексѣй Михайловичъ сталъ посѣщать Матвѣева, когда лишился

первой супруги. Однажды онъ изъявилъ желаніе отъужинать вмѣстѣ съ его семействомъ запросто. Къ столу явилась жена Матвѣева съ сыномъ и, кромѣ того, еще молодая, красивая и высокая ростомъ дѣвушка. То была Наталья Кирилловна, дочь небогатаго тарусскаго помѣщика Нарышкина, съ которымъ Матвѣевъ прежде служилъ вмѣстѣ и теперь еще былъ друженъ. Она воспитывалась у Матвѣева. Царь, увидѣвъ ее, сказалъ: „Я не зналъ, Сергѣичъ, что у тебя есть дочь?“ — „Это не дочь моя, а пріемышъ“, отвѣтилъ Матвѣевъ. За столомъ Алексѣй Михайловичъ разговорился съ дѣвушкой и увидѣлъ, что она была умна, добра и скромна. Царь былъ веселъ, шутилъ и обѣщалъ найдти ей жениха. Черезъ нѣсколько дней онъ опять пріѣхалъ къ своему любимцу и объявилъ, что нашелъ жениха для Наталіи и что этотъ женихъ—онъ самъ. Артамонъ Сергѣевичъ обрадовался этому и въ тоже время испугался, боясь злобы завистниковъ. Онъ палъ передъ государемъ на колѣни и молилъ его—или оставить это намѣреніе, или защитить его отъ враговъ. Царь далъ слово не вѣрить ничьимъ навѣтамъ. Вскорѣ, по тогдашнему обычаю, собрано было во дворецъ до 60 благородныхъ дѣвицъ и изъ нихъ супругой избрана была Наталья Кирилловна. Отъ нея-то и родился Петръ.

Весело встрѣтилъ жизнь царевичъ Петръ. Онъ былъ крѣпкаго здоровья, красивъ собою; яркій румянецъ такъ и игралъ на щекахъ его; росъ онъ какъ богатыри въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ. Одинъ современникъ разсказываетъ, что въ десять лѣтъ онъ казался шестнадцати-лѣтнимъ. Родители не могли наглядѣться на сына и налюбоваться имъ. У Алексѣя Михайловича было много дѣтей отъ первой супруги, были и два сына, но оба слабаго здоровья. Царь видѣлъ въ нихъ ненадежныхъ преемниковъ себѣ, и тѣмъ больше любилъ и привязывался къ царевичу Петру. Въ мальчикѣ между тѣмъ съ раннихъ поръ начала обнаруживаться также необыкновенная живость и острота ума. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается объ этомъ въ одномъ мѣстѣ. Однажды царю представлялся нѣмецкій посолъ. Это дѣлалось тогда съ большою церемоніею. Царица смотрѣла

на церемонію тайно, изъ сосѣдней комнаты, такъ какъ тогда не въ обычаѣ было царицамъ и знатнымъ женщинамъ показываться передъ чужими людьми. Вдругъ рѣзвый царевичъ, находившійся при матери, настежь растворилъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидать Московскую государыню.

Но только первые годы своего младенчества царевичъ Петръ рѣзвился и игралъ, не зная никакого горя. На четвертомъ году онъ лишился отца и съ тѣхъ поръ ему стало гораздо хуже. Правда, на престолъ вступилъ старшій братъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, но онъ былъ отъ другой съ нимъ матери. Новый царь не долюбливалъ своей мачихи и всѣхъ ея родныхъ и приближенныхъ. Окружающіе его подмѣтили это и начали тѣснить и преслѣдовать ихъ. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ни зашто ни прошто былъ сосланъ въ бѣдный городишко, къ Ледовитому морю, гдѣ вдоволь натерпѣлся и голоду, и холоду. Сама даже царица Наталья Кирилловна подвергалась оскорбленіямъ. Царевичъ не разъ видѣлъ мать свою въ слезахъ, слышалъ жалобы ея на враговъ и, конечно, все это сильно его озлобляло. Разсказываютъ даже, что, будучи еще семилѣтнимъ мальчикомъ, онъ самъ разъ вступился за мать. Недоброжелатели хотѣли было выжить Наталью Кирилловну изъ дворца, въ которомъ жилъ царь. Царица плакала по этому случаю и жаловалась на дерзость враговъ своихъ. Царевичъ, узнавъ это, пошелъ къ царю-брату, все разсказалъ ему и просилъ защиты. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, удивленный смышленностію и рѣшимостію царевича, расцѣловалъ его и поспѣшилъ успокоить царицу-мачиху.

При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, и воспитаніе юнаго Петра не могло идти правильно. Когда наступило время ученія, то есть когда царевичу было пять лѣтъ, къ нему приставили въ учители дьяка или чиновника, Никиту Моисеевича Зотова. Передъ началомъ самаго ученія приглашенъ былъ патріархъ, который отслужилъ молебенъ, окропилъ отрока святою водою, благословилъ и передалъ учителю. Зотовъ же, принявъ царевича, посадилъ его, поклонился ему до земли и началъ учить. Ученіе началось, разумѣется, съ

чтенія. Читали сначала азбуку или букварь, потомъ часословъ, псалтырь, Апостолъ и Евангеліе. Позже, когда царевичу было лѣтъ восемь, его начали учить писать. Петръ учился также и пѣнію церковному и, какъ видно, очень любилъ его, потому что, будучи уже царемъ, любилъ пѣть басомъ, на клиросѣ, вмѣстѣ съ пѣвчими. Но, кромѣ чтенія, пѣнія и письма, Петру рано начали сообщать разныя свѣдѣнія по картинкамъ. По распоряженію Зотова было много нарисовано для царевича разныхъ картинокъ и развѣшано по всѣмъ комнатамъ. Въ свободное время Зотовъ и разсказывалъ царственному ученику своему, по этимъ картинкамъ, о великихъ подвигахъ русскихъ государей, о битвахъ, корабляхъ, городахъ и т. п. Царевичъ учился прилежно и охотно и былъ очень понятливъ и весьма скоро все запоминалъ. Разсказываютъ, что онъ все Евангеліе и Апостолъ могъ прочитать наизусть. Но Зотовъ вообще самъ мало зналъ, поэтому могъ научить царственнаго отрока немногому. Нерѣдко случалось, что пытливый ученикъ задавалъ своему учителю такіе вопросы, на которые онъ не могъ давать отвѣтовъ. Зотовъ даже и грамотѣ-то выучилъ его плохо: на 17 году Петръ едва выводилъ буквы и писалъ съ самыми грубыми ошибками. У старшаго брата его, Ѳеодора Алексѣевича, послѣ наученія грамотѣ, былъ учителемъ человѣкъ умный и ученый, который научилъ его разнымъ наукамъ. Петру же такого учителя, послѣ Зотова, не дали.

Но вотъ скоро опять произошла большая перемѣна въ жизни царевича Петра. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ человѣкъ больной. Процарствовавъ шесть лѣтъ, онъ скончался, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Остались у него два брата: Іоаннъ, отъ одной съ нимъ матери, и Петръ. Но онъ никого изъ нихъ не назначилъ себѣ преемникомъ. Патріархъ и бояре, собравшіеся тотчасъ послѣ смерти царя во дворцѣ, были въ недоумѣніи, кого изъ двухъ царевичей выбрать на царство. Іоаннъ былъ 16 лѣтъ, но имѣлъ самое слабое здоровье, плохо видѣлъ и совсѣмъ неспособенъ былъ править. Царевичъ Петръ былъ цвѣтущаго здоровья, весьма спо-

собенъ и уменъ, но ему было только десять лѣтъ. Находясь въ такомъ затрудненіи, патріархъ и бояре положили спросить народъ, который, по случаю смерти царя, толпился передъ дворцомъ. Вмѣстѣ съ боярами и съ духовенствомъ, патріархъ вышелъ на красное крыльцо, держа въ рукахъ крестъ. Мгновенно говоръ въ толпѣ смолкъ и посреди глубокой тишины первосвятитель произнесъ: „Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, но преемника не назначилъ. Кому изъ нихъ быть царемъ?“ Народъ закричалъ: „Быть царемъ-государемъ царевичу Петру Алексѣевичу.“ Послышались-было голоса и въ пользу Іоанна Алексевича, но они были заглушены. Тогда патріархъ, благословивъ народъ, возвратился въ царскія палаты и нарекъ царемъ Петра. Москва и вслѣдъ за нею вся Россія немедленно присягнули ему. Такъ десятилѣтній Петръ сдѣлался царемъ. Конечно, управленіе государствомъ до совершеннолѣтія его должно было перейдти въ руки матери его Натальи Кирилловны и близкихъ ей лицъ. За Матвѣевымъ, еще томившимся въ ссылкѣ, тотчасъ же поскакалъ курьеръ. Но едва только онъ успѣлъ возвратиться въ Москву, какъ здѣсь произошло небывалое событіе. И хотя Петръ остался царемъ, но управлять государствомъ стала не Наталья Кирилловна и не близкіе къ ней люди.

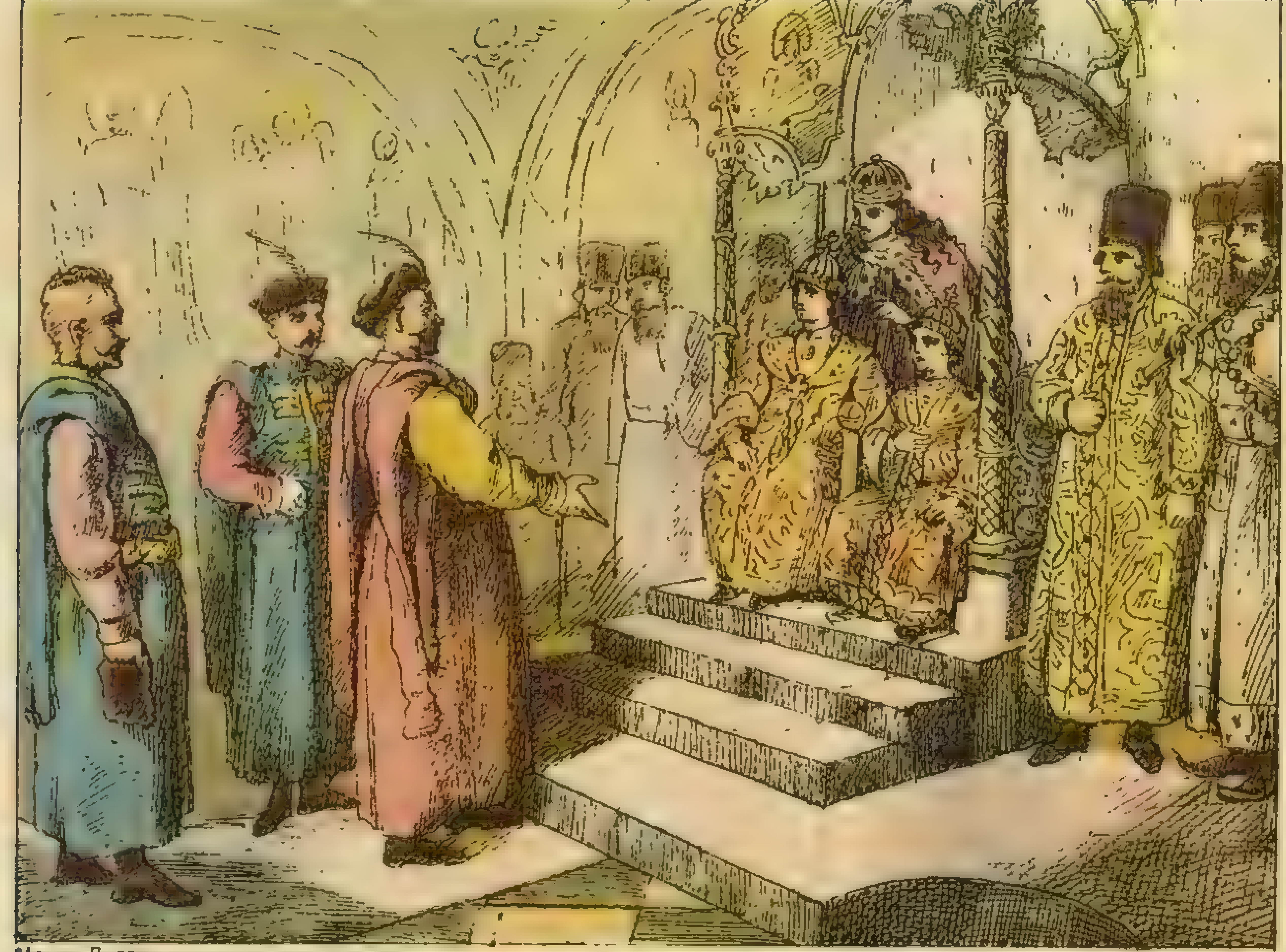
Была тогда въ царской семьѣ замѣчательная царевна. Ей было лѣтъ двадцать пять. Звали ее Софія Алексѣевна. Она была родная сестра Петру, но также отъ другой матери, а потому не любила ни его, ни мачихи и никого изъ приближенныхъ ихъ. Софія была умна, хитра, бойка на словахъ, и ей вздумалось самой править царствомъ. Какъ же это могло придти ей въ голову? Царевны въ то время жили совсѣмъ вдали отъ свѣта. Кромѣ самыхъ близкихъ людей ихъ никто никогда и не видалъ; даже доктора лечили ихъ по разсказамъ прислужницъ. Если случалось ѣхать куда-нибудь, напримѣръ, въ монастырь на богомолье, или въ дворцовое село, то ихъ возили не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ и съ завѣшанными окнами; когда приходилось въ Кремлѣ идти въ церковь, то на этотъ разъ

запирали ворота и ни кого не впускали въ Кремль; жителямъ самаго Кремля запрещали выходить на улицу, а чтобы изъ оконъ нельзя было видѣть царицы, или царевенъ, то передъ ними несли ширмы. Народъ зналъ ихъ только по именамъ, которыя вычитывались въ церквахъ, да по милостынямъ, которыя отъ ихъ имени раздавались бѣднымъ, убогимъ и заключеннымъ. Царевны ничему, кромѣ грамоты, не учились и ничего не знали; замужъ они не выходили, потому что за подданныхъ было не въ обычаѣ, а за иноземныхъ принцевъ не позволяла вѣра. Онѣ проводили всю жизнь внутри своихъ теремовъ, въ кругу сѣнныхъ дѣвушекъ, занимаясь разными вышиваньями. Послѣ этого трудно было ожидать, чтобы которой-нибудь изъ царевенъ пришло на умъ царствовать. Но царевна Софія воспитана была нѣсколько иначе. Надо замѣтить, что въ это время строгость затворнической жизни знатныхъ женщинъ стала нѣсколько ослабѣвать. Такъ, царица Наталья Кирилловна начала иногда показываться народу и выѣзжать въ открытомъ экипажѣ. Замѣчательно, что когда она разъ, во время въѣзда иноземнаго посла въ Москву, стояла у открытаго окна, то народъ, проходя мимо, не смѣлъ смотрѣть на нее и опускалъ глаза внизъ. Царевны также стали иногда показываться при дворѣ и знакомиться понемногу со свѣтомъ и съ тѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ. Въ это время при дворѣ явилось еще новое, доселѣ небывалое развлеченіе, которое также содѣйствовало развитію царевенъ. Бояринъ Матвѣевъ, когда былъ въ силѣ, устроилъ при дворѣ театръ. Всѣмъ очень понравились представленія театральныя, и изъ нихъ царевны начали также кое-что узнавать. Но никто изъ царевенъ такъ не воспользовался этими новыми порядками, какъ умная Софія. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, который почти всегда хворалъ, она часто ходила въ царскіе покои навѣщать и ухаживать за больнымъ братомъ. Здѣсь ей приходилось встрѣчаться съ умными и образованными вельможами. Она вступала съ ними въ разговоры и разспрашивала ихъ о томъ, о другомъ. Кромѣ того посѣщеніе театра пробудило въ ней охоту къ чтенію. Она даже сама стала сочинять

комедіи. Изъ книгъ и изъ разговоровъ Софія узнала, что въ другихъ государствахъ царевны иногда управляли народомъ и прославились своимъ мудрымъ правленіемъ. Царевна чувствовала, что и она могла бы управлять, а тутъ обстоятельства подавали нѣкоторую надежду на это. Послѣ Ѳеодора Алексѣевича старшимъ царевичемъ оставался Іоаннъ Алексѣевичъ, отъ одной съ нею матери. Ему, по настоящему, и слѣдовало бы царствовать. Но онъ, какъ мы уже сказали, совсѣмъ не способенъ былъ заниматься государственными дѣлами. „Отчего бы, думала царевна, ей вмѣсто него не править?“ — Вотъ какъ появилась у царевны Софіи мысль управлять Россіею. Избраніе Петра въ цари вдругъ разрушало всѣ ея надежды и мечты. Мало того. Оно обрекало ее и всѣхъ близкихъ ея какъ-бы на опальную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, чего могли они ожидать себѣ отъ приближенныхъ царицы Натальи Кирилловны, которыхъ такъ преслѣдовали при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ? Когда патріархъ, по избраніи Петра, пришелъ въ покои царевенъ и объявилъ имъ объ этомъ, Софія не выдержала. „Избраніе это неправо!“ воскликнула она. „Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ. Онъ долженъ быть царемъ. Или пусть по крайней мѣрѣ оба царствуютъ.“ — „Многоначаліе пагубно, отвѣтилъ ей святитель. Да будетъ единъ царь. Такъ Богу угодно.“ Софія, однако, скоро одумалась, затаила злобу въ сердцѣ и пошла вмѣстѣ съ другими царевнами поздравить новаго государя. Но въ душѣ она рѣшилась во что-бы то ни стало достигнуть власти. И вотъ какъ она начала дѣйствовать.

Было въ Москвѣ тогда тысячь двадцать - тридцать постояннаго войска, которое называлось стрѣлецкимъ. Но оно по устройству своему мало походило на нынѣшнюю армію, Во первыхъ стрѣльцы были люди семейные, а во вторыхъ, живя въ Москвѣ слободами, они занимались торговлею и разными промыслами. Дѣла семейныя и хозяйственныя въ мирное время отвлекали ихъ отъ занятій военныхъ, а въ военное—тянули ихъ поскорѣй вернуться домой. Многіе тяготились военною службою еще и оттого, что посредствомъ торговли и

разныхъ промысловъ нажили себѣ состояніе. Вообще же надо сказать, что въ стрѣлецкомъ войскѣ мало было дисциплины или подчиненія. Посредствомъ стрѣльцовъ-то и думала царевна сдѣлаться правительницею. Довѣренные люди ея раздавали имъ деньги, угощали ихъ, сулили разныя обѣщанія, а въ то-же время распускали между ними нелѣпые слухи. Наконецъ стали даже разглашать, что Нарышкины, родственники Натальи Кирилловны, хотятъ извести царевича Іоанна. Преданные царскому дому, стрѣльцы стали жалѣть о царевичѣ и волноваться. Когда все было подготовлено и когда въ Москву возвратился изъ ссылки Матвѣевъ, по стрѣлецкимъ слободамъ проскакали однажды верхами клевреты Софіи и кричали: „Нарышкины задушили царевича Іоанна!" Стрѣльцы схватили ружья, пушки и съ распущенными знаменами бросились въ Кремль. Здѣсь только-что кончилось во дворцѣ засѣданіе бояръ и они собирались идти по домамъ. Матвѣевъ сходилъ по лѣстницѣ изъ дворца. Вдругъ ему говорятъ, что стрѣльцы взбунтовались. Онъ вернулся во дворецъ, сдѣлалъ-было распоряженіе, чтобы заперли ворота въ Кремль и не впускали мятежниковъ. Но уже было поздно. Крики ихъ послышались передъ самыми окнами дворца. Стрѣльцы требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича Іоанна. Чтобы убѣдить ихъ, что царевичъ живъ и никто его не трогалъ, царица Наталья Кирилловна сама, въ сопровожденіи патріарха и бояръ, вывела на красное крыльцо Петра и Іоанна и сказала: „Вотъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ государь царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ. Они благодатію Божіею здравствуютъ." Стрѣльцы не вѣрили глазамъ своимъ. Нѣкоторые изъ нихъ подставили лѣстницы, взлѣзли на крыльцо и спросили самого царевича: „Ты-ли царевичъ Іоаннъ и кто тебя изводитъ?" Царевичъ отвѣтилъ: „Азъ есмь, и никто меня не изводитъ." Стрѣльцы, видя, что они совершенно обмануты, не знали что дѣлать. Воспользовавшись этимъ, Матвѣевъ и патріархъ сошли съ крыльца внизъ и начали кротко уговаривать ихъ разойдтись. Вразумительныя слова ихъ подѣйствовали. Стрѣльцы стали пере-

Молод. Петра

Къ стр.

Пріемъ Польскихъ Пословъ.

глядываться, пятиться, и готовы были уже расходиться. Нѣкоторые даже просили Матвѣева, чтобы онъ заступился за нихъ передъ царемъ. Матвѣевъ, считая дѣло улаженнымъ, взошелъ-было уже наверхъ къ царицѣ. Но сообщники царевны Софіи не дремали. По ихъ наущенію, стрѣльцы снова зашумѣли и теперь уже ничѣмъ нельзя было ихъ остановить. Матвѣевъ и многіе другіе, на кого указывали имъ клевреты Софіи, погибли. Послѣ того стрѣльцы, по настроенію Софіи, потребовали, чтобы царемъ былъ также и Іоаннъ Алексѣевичъ, а правленіе, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручено было-бы ей. Всѣ согласились. Такъ при момощи стрѣльцовъ царевна достигла власти. Вскорѣ происходило вѣнчаніе на царство обоихъ царей. Для нихъ былъ сдѣланъ двойной тронъ съ крытымъ позади его мѣстомъ для правительницы, откуда бы она могла подсказывать братьямъ, что дѣлать и говорить имъ, во время, напримѣръ, пріема иноземныхъ пословъ.

Въ правленіе царевны Софіи, равно какъ и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, Петръ большею частію жилъ съ своею матерью въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Рѣдко пріѣзжалъ онъ въ Москву, чтобы участвовать, напримѣръ, въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ или въ пріемѣ чужихъ пословъ. Здѣсь, въ Преображенскомъ, продолжалось и его воспитаніе. Любознательный отъ природы, молодой царь сгаралъ жаждою познаній. Но, не могши ничего узнать отъ своего несвѣдущаго учителя Зотова, онъ принялся самъ за образованіе себя. Одинъ случай пробудилъ въ немъ большую охоту къ занятіямъ ариѳметикою и другими науками. Разъ одинъ вельможа, отправляясь посломъ во Францію, въ разворѣ съ царемъ упомянулъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія, не двигаясь съ мѣста. Это была астролябія. Въ пылкомъ Петрѣ закипѣло желаніе поскорѣе видѣть дивную вещь. Но ему сказали, что она украдена. Тогда онъ наказываетъ непремѣнно купить ее во Франціи. По возвращеніи изъ Франціи, вельможа привезъ инструментъ. Но новая бѣда: царь не знаетъ что съ нимъ дѣлать, обращается къ одному, къ дру-

гому, тоже никто не знаетъ. Онъ показываетъ его наконецъ доктору-нѣмцу, и докторъ не знаетъ, но этотъ по крайней мѣрѣ указалъ на знающаго человѣка. Это былъ простой, бѣдный голландецъ, Франдъ Тиммерманъ, который жилъ въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ, и занимался мелкою торговлею. Его потребовали къ царю и показали инструменты. Посмотрѣвъ на нихъ, Тиммерманъ сказалъ, что можетъ показать, какъ ими пользоваться, но что для этого нужно знать разныя науки. Тогда Петръ чрезвычайно обрадовался, что нашелъ наконецъ знающаго человѣка и сталъ у него учиться. Бѣдному голландцу и во снѣ никогда не снилось быть царскимъ учителемъ. Притомъ, занимаясь торговыми дѣлами, онъ уже многое перезабылъ и изъ того, что зналъ, и дѣлалъ ошибки въ самыхъ простыхъ вещахъ. Но, за неимѣніемъ лучшаго, царь былъ радъ и ему. Геніальный ученикъ, выслушавъ у Тиммермана первыя четыре правила ариѳметики, тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, самъ своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ ихъ, пояснилъ примѣрами и пошелъ далѣе; скоро дошелъ до того, что сталъ самъ употреблять астролябію, выучился сооружать крѣпости, бросать бомбы и тому подобное. Въ это время Петру было лѣтъ шестнадцать. Но все-таки онъ получилъ образованіе недостаточное и впослѣдствіи сильно жалѣлъ объ этомъ. Однажды, заставъ своихъ дочерей за уроками, онъ сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, если-бы я въ молодости былъ выученъ какъ слѣдуетъ!“ Онъ говорилъ также: „Я желалъ бы лучше не имѣть на рукѣ одного пальца, нежели того, что въ молодости меня не учили.“

Но у царственнаго отрока была другая школа, въ которой крѣпли его молодыя силы, развивались отвага и предпріимчивость, росъ умъ. То были дѣтскія игры. Разсказываютъ, что еще съ раннихъ лѣтъ въ Петрѣ начала обнаруживаться склонность къ воинскимъ забавамъ. Когда ему было около трехъ лѣтъ, московскіе купцы поднесли ему въ день именинъ много разныхъ игрушекъ и между ними саблю. Царевичъ прямо ухватился за саблю и съ тѣхъ поръ почти никогда не разставался съ нею; нерѣдко даже засыпалъ съ саблею.

Когда же онъ подросъ, то завелъ игру въ солдаты съ сверстниками. Встарину царевичей воспитывали такъ, что до пятнадцати лѣтъ ихъ никому, кромѣ самыхъ близкихъ людей, не показывали. Они никого не видѣли, не знали самыхъ обыкновенныхъ вещей и медленно развивались. Къ счастію, при воспитаніи Петра этотъ обычай не соблюдался. Живя въ Преображенскомъ, онъ пользовался просторомъ и свободою. Будучи отъ природы необыкновенно быстрый и живой, онъ скучалъ во дворцѣ своей печальной матери и сталъ большую часть времени проводить съ своими сверстниками на улицѣ и въ тѣнистыхъ рощахъ Преображенскаго—и тутъ-то впервые сказалась живая огненная натура необыкновеннаго царевича. Тутъ было гдѣ развернуться его богатырскимъ силамъ. Онъ составилъ изъ своихъ сверстниковъ полкъ, учился съ ними солдатскому строю, командовалъ ими, сооружалъ земляныя крѣпостцы и штурмомъ бралъ ихъ. Товарищи его игръ получили названіе потѣшныхъ. По мѣрѣ того, какъ Петръ выросталъ, игры его принимали болѣе и болѣе широкіе размѣры и становились все серьезнѣе и серьезнѣе. Когда царю-богатырю было лѣтъ пятнадцать, онъ кликнулъ кличь по новую дружину. И тутъ ужъ не разбиралось: знатный ли незнатный—всѣхъ принимали въ царскую дружину. Такъ составились два полка — Преображенскій и Семеновскій, которые названы были такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ. Новые царскіе полки совсѣмъ не чета были стрѣлецкимъ. Тутъ совсѣмъ ужъ другая была служба. Самъ царь началъ въ Преображенскомъ полку служить съ простаго барабанщика и получалъ повышенія въ чинахъ за дѣйствительную службу. Солдаты же только и знали одно военное дѣло. И чѣмъ кто усерднѣе служилъ, тѣмъ скорѣе выслуживался. Царь съ новыми своими воинами выстроилъ на берегу Яузы значительную крѣпость, и съ раскатовъ ея грянулъ громъ пушекъ. Вотъ какъ отъ дѣтскихъ игръ геніальный Петръ перешелъ къ изученію военнаго дѣла, которое должно было возвеличить Россію.

Между тѣмъ случайное обстоятельство пробудило

въ молодомъ царѣ страстную охоту къ забавамъ другого рода, отъ которыхъ онъ перешелъ къ изученію морскаго и корабельнаго дѣла. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ. „Случилось намъ, говоритъ Петръ, быть въ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ. (Измайлово, было дворцовое село, въ семи верстахъ отъ Москвы.) Гуляя тамъ по амбарамъ, я увидѣлъ между разными вещами иностранное судно и спросилъ Франца (Тиммермана): что это за судно? Францъ сказалъ, что это ботъ англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ: при корабляхъ для ѣзды и возки. Я опять спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами, потому что видѣлъ, что онъ и по виду, и по прочности лучше нашихъ? Францъ сказалъ мнѣ, что онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Это меня удивило и казалось невѣроятнымъ. Потомъ я еще спросилъ его: есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и показалъ мнѣ ходъ его? Онъ сказалъ, что есть. Услышавъ это, я обрадовался и велѣлъ сыскать его. Францъ сыскалъ голландца Брандта, который призванъ былъ при отцѣ моемъ въ числѣ другихъ карабельныхъ мастеровъ для строенія судовъ въ Каспійское море.“ При Алексѣѣ Михайловичѣ постройка судовъ какъ-то не пошла въ ходъ и старикъ Брандтъ добывалъ себѣ теперь кусокъ хлѣба въ Москвѣ столярнымъ мастерствомъ. Вдругъ неожиданное счастіе выпало на долю этого новаго иноземца. Его потребовали къ царю, и онъ остался при немъ. „Брандтъ, продолжаетъ разсказывать Петръ, починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и на Яузѣ при мнѣ плавалъ въ разныя стороны. Это было для меня еще удивительнѣе и очень понравилось. Потомъ, когда я часто самъ съ нимъ дѣлалъ это, а ботъ не всегда хорошо ворочался и упирался въ берега, то я спросилъ его: отчего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайлово); но и тамъ не много лучше было, а охота часъ отъ часу становилась сильнѣе. Я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды. Мнѣ сказали, что Переславское озеро (въ 120 верстахъ отъ Москвы) гораздо болѣе. Я подъ видомъ обѣщанія въ Троицкій мо-

настырь выпросился туда у матери, а потомъ уже сталъ просить ее и явно, чтобы тамъ строить суда. Брандтъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты, и я тамъ нѣсколько лѣтъ съ охотою работалъ.“

Эти новыя потѣхи Петра на водѣ приводили въ ужасъ нечаявшую въ немъ души мать Наталью Кирилловну. Чтобы удержать при себѣ неугомоннаго сына, она поспѣшила женить его, нашла ему невѣсту и отпраздновала свадьбу. Но русская пословица—„женится-перемѣнится“—на этотъ разъ не оправдалась. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Петръ оставилъ молодую жену и поскакалъ въ Переяславль, гдѣ Брандтъ строилъ суда. Здѣсь онъ самъ взялъ въ руки топоръ и принялся помогать Брандту. Любопытно письмо, которое онъ написалъ матери по прибытіи въ Переяславль. „Матушка государыня! Благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось. Всѣ суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ по семи сотъ сажень, не мѣшкавъ. Иначе житье наше здѣсь продолжится.“ Петръ хитрилъ здѣсь. Чтобы поскорѣе получить канаты, онъ стращаетъ мать тѣмъ, что иначе дольше проживетъ. Но, вмѣсто посылки канатовъ, мать требовала, чтобы онъ скорѣе пріѣзжалъ домой на панихиду по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Петръ повиновался, но едва поспѣлъ къ панихидѣ, а черезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро. Такъ рвался молодой царь-богатырь изъ родительскаго дома размять свои могучія плечи, показать свою силу-удаль, только не въ чисто-поле, не въ далекую степь, какъ бывало прежде на Руси съ богатырями, а на широкое озеро, къ морю-окіяну.

Но скоро занятія Петра кораблестроеніемъ и плаваніемъ были прерваны на время. По мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, царевна Софія, управлявшая государствомъ, приходила все въ большее и большее безпокойство. Она видѣла, что рѣшительный братъ ея не нынче-завтра захочетъ самъ править, а ей жалко было разстаться съ властью. Наконецъ Петръ дѣйствительно сталъ требовать отъ сестры, чтобы она перестала вмѣшиваться въ дѣла и не показывалась бы народу. Софія и не ду-

мала уступать ему. Однажды былъ крестный ходъ, въ который собрались идти оба царя. Царевна также стала готовиться. Петръ подошелъ къ ней и сказалъ, чтобы она не ходила. Она же, напротивъ, взяла образъ и сама понесла его. Царь вспыхнулъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ Москвы. Но этотъ случай показалъ правительницѣ, что братъ хочетъ непремѣнно отнять у ней власть. Еще болѣе она убѣдилась въ этомъ, когда Петръ однажды долго не соглашался на награды, назначенныя ею вельможамъ не по справедливости. Чтобы удержать за собою власть, царевна попрежнему хотѣла возмутить стрѣльцовъ. Но на этотъ разъ козни ея были безуспѣшны. Когда наступила опасность для царя, нѣсколько стрѣльцовъ дали клятву передъ крестомъ и евангеліемъ пасти его. Двое изъ нихъ въ полночь прискакали къ нему въ Преображенское и разсказали, что въ Кремлѣ затѣвается что-то недоброе. Петръ тотчасъ же сѣлъ на коня и поскакалъ въ Троицкую Лавру. За нимъ послѣдовали обѣ царицы и всѣ приверженцы его. Троицкая Лавра давно обнесена была высокими толстыми стѣнами. Разъ поляки осаждали ее болѣе года съ тридцатитысячнымъ войскомъ — и не могли взять. Поэтому Петръ надѣялся найдти въ ней вѣрную защиту. Софія, узнавъ объ отъѣздѣ брата къ Троицѣ, перепугалась. Чтобы выманить его оттуда, она посылала къ нему бояръ и патріарха просить его пріѣхать въ Москву и примириться. Петръ не поддавался на хитрости сестры. Онъ, напротивъ, собиралъ вокругъ себя ратныхъ людей. Наконецъ Софія сама отправилась къ нему. Но на дорогѣ встрѣтилъ ее бояринъ и отъ имени царя объявилъ, чтобы она не ходила, иначе съ нею поступлено будетъ дурно. Нечего дѣлать: скрѣпя сердце, она вернулась. Между тѣмъ, въ Троицкую Лавру къ Петру стали переходить и бояре, и стрѣльцы, и иноземцы служившіе въ Россіи. Самъ патріархъ, посланный Софіею, остался у Троицы. Наконецъ, царь потребовалъ отъ правительницы выдачи главныхъ сообщниковъ ея. Какъ ни больно было это для нея, однако она должна была выдать и они были казнены. Вслѣдъ за тѣмъ, присланъ былъ къ царевнѣ бояринъ предложить ей, чтобы она оставила дворецъ и посе-

Возвращеніе Петра въ Москву изъ Лавры.

лилась въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ. Долго она медлила, но, наконецъ, видя что всѣ ее покинули, переѣхала. По удаленіи Софіи въ монастырь, Петръ возвратился въ Москву и съ радостію былъ встрѣченъ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Петру въ это время было семнадцать лѣтъ слишкомъ и онъ сдѣлался полнымъ правителемъ государства, потому что Іоаннъ и теперь совсѣмъ ни во что не вмѣшивался, хотя имя его въ бумагахъ обыкновенно писалось первымъ.

Упрочивши свою власть, Петръ опять съ жаромъ принялся за любимыя свои занятія. Теперь уже никто и ничто ему не мѣшало, и онъ цѣлыя пять лѣтъ въ началѣ правленія своего, провелъ въ строеніи судовъ и въ изученіи военнаго дѣла на сушѣ и водѣ. Трудна была эта наука для Петра, потому что наставники его многаго сами не понимали. Державный ученикъ долженъ былъ пріобрѣтать необходимыя свѣдѣнія болѣе самоучкою и тяжелымъ трудомъ, нежели черезъ уроки учителей. Для усовершенствованія себя и своихъ сподвижниковъ въ сухопутномъ военномъ дѣлѣ, Петръ часто производилъ манёвры въ окрестностяхъ Москвы, и притомъ съ такимъ увлеченіемъ, что не щадилъ жизни. Такъ однажды взрывомъ гранаты опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ. Отъ манёвровъ на сушѣ царь обратился опять къ кораблямъ. Въ Переяславлѣ Брантъ съ нѣсколькими корабельными мастерами не переставалъ работать, но онъ строилъ небольшія суда. Теперь Петръ, прибывъ туда, заложилъ самъ довольно большой военный корабль, самъ выстроилъ его, и торжественно, съ колокольнымъ звономъ, спустилъ на воду. На это торжество онъ пригласилъ царицъ и весь почти дворъ. Съ этихъ поръ вообще спускъ корабля на воду почти всегда праздновался, какъ событіе радостное и торжественное. Но Переяславское озеро скоро стало тѣсно для широкой и размашистой натуры Петра. Онъ рѣшился видѣть море. Въ то время Россія прилегала своими берегами только къ Бѣлому и Каспійскому морямъ, очень отдаленнымъ отъ Москвы. Царь сталъ проситься у матери въ Ар-

хангельскъ, чтобы взглянуть на Бѣлое море, по которому къ намъ пріѣзжали иноземцы съ Запада. „Многократно, разсказываетъ Петръ, мать возбраняла мнѣ столь опасный путь, но видя великое желаніе мое поневолѣ позволила.“ Приэтомъ, однакожъ, царица Наталья Кирилловна взяла съ сына обѣщаніе въ море не ходить, а посмотрѣть на него только съ берега. Но, прибывъ въ Архангельскъ, Петръ не утерпѣлъ. Въ это время тамъ было нѣсколько англійскихъ и голландскихъ судовъ, которыя, нагрузившись товарами, собрались въ обратный путь. Какъ не посмотрѣть на плаваніе настоящихъ кораблей по морю! Царь отправился проводить ихъ. Съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдилъ онъ за всѣми ихъ движеніями, любовался ихъ стройнымъ ходомъ, красивою, доселѣ невиданною имъ отдѣлкою, ловкостію и искусствомъ матросовъ. Петръ такъ увлекся, что почти и не замѣтилъ, какъ отдалился отъ Архангельска болѣе чѣмъ на 300 верстъ; наконецъ онъ распростился съ англичанами и голландцами, пожелавъ имъ счастливаго плаванія, и возвратился въ Архангельскъ. Царица-мать ужаснулась, узнавъ о морскомъ путешествіи сына. „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, писала она ему; пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего-радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ не ходить.“ Скорбящая мать не знала, какъ выманить поскорѣй Петра изъ Архангельска. Наконецъ послала ему письмо отъ имени сына его трехлѣтняго царевича Алексѣя Петровича, въ которомъ тоже умоляла его пожаловать въ Москву, не замѣшкавъ. Но, несмотря на неотступныя просьбы и горькія жалобы матери, Петръ, по возвращеніи изъ морскаго путешествія, прожилъ въ Архангельскѣ еще болѣе шести недѣль. Онъ нашелъ здѣсь много интереснаго и поучительнаго. Кромѣ того, въ геніальной головѣ его зароились разные планы, которые онъ началъ приводить въ исполненіе. Архангельскъ въ то время былъ единственный въ Россіи приморскій городъ, куда пріѣзжали иноземные корабли съ разными загра-

ничными товарами. Сюда же, рѣкою Двиною, приплывали и русскія барки съ хлѣбомъ, пенькою, саломъ, мѣхами, кожами и тому подобными предметами. Поэтому въ лѣтнее время городъ этотъ представлялъ самый оживленный видъ. Особенно же кипѣла здѣсь жизнь въ Успенскую ярмарку, когда сюда приходило до 100 кораблей иноземныхъ. Все это въ высшей степени занимало любознательнаго царя. Онъ все съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ, обо всемъ внимательно разспрашивалъ. Но грустно было видѣть ему, что въ числѣ кораблей нѣтъ ни одного русскаго. Въ отдаленныя времена русскіе вели обширную торговлю и по Черному, и по Балтійскому, и по другимъ морямъ, посылали свои корабли и въ Константинополь, и въ нѣмецкіе города. Было время, когда Черное море называлось даже русскимъ. Но потомъ насъ отбили отъ него татары и турки, а отъ Балтійскаго — нѣмцы, шведы и поляки. Когда же, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, открытъ былъ путь въ Россію черезъ Бѣлое море, то здѣсь большую силу забрали англичане и голландцы. Пытались и русскіе предпріимчивые торговцы посылать этимъ моремъ свои товары за-границу. Но корыстные иноземцы старались всѣми мѣрами препятствовать имъ. Такъ однажды ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ поплылъ самъ за-море съ грузомъ дорогихъ мѣховъ, но не могъ продать ни на одинъ рубль, потому что тамошніе купцы стакнулись не покупать у него ничего и тѣмъ сразу отбить охоту у русскихъ ѣздить съ товарами за-границу. Бѣдный ярославецъ чуть съ голоду не умеръ и такъ воротился въ Архангельскъ, не продавъ ничего. Но тутъ иноземцы тотчасъ же раскупили у него весь товаръ и дали хорошую цѣну. Послѣ такого случая дѣйствительно ужъ ни одинъ русскій торговецъ не посылалъ своихъ товаровъ за-море. Это сокрушало Петра, и онъ рѣшился теперь же, во время пребыванія своего въ Архангельскѣ, положить начало русской заграничной торговлѣ. Онъ снарядилъ при себѣ въ путь одинъ корабль, приказавъ нагрузить его такими товарами, въ которыхъ наиболѣе нуждались за

границей, какъ то: смолою, рыбьимъ клеемъ, икрою и другими.

Во время пребыванія въ Архангельскѣ, Петръ началъ также дѣлать приготовленія для морскихъ манёвровъ. Взглянувъ на море, онъ уже задумалъ устроить на немъ флотъ и приняться настоящимъ образомъ за изученіе мореплаванія. Для этого онъ устроилъ здѣсь верфь и собственными руками заложилъ на ней одинъ корабль, а другой сорока-четырехъ пушечный заказалъ въ Голландіи. Будущимъ же лѣтомъ неутомимый царь хотѣлъ пріѣхать съ большою компаніею въ Архангельскъ и устроить морской походъ. По возвращеніи въ Москву онъ такъ же ревностно принялся за приготовленія къ нему: наточилъ въ своей токарнѣ, въ Преображенскомъ, блоковъ для корабля, строющагося въ Архангельскѣ; отлилъ для вооруженія его, пушки; выбралъ въ матросы лучшихъ солдатъ изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; придумалъ морскіе сигналы; назначилъ командировъ будущаго флота. При этомъ самъ принялъ званіе шкипера и требовалъ, чтобы его иначе и не называли, даже въ бумагахъ. Весело поджидалъ Петръ весны, чтобы по первому пути двинуться въ Архангельскъ, со всею своею компаніею, какъ вдругъ его постигло большое несчастіе. Онъ лишился нѣжно любимой имъ матери. Сильно горевалъ онъ. Но время мало по малу унесло его тоску и грусть. Весною онъ былъ уже въ Архангельскѣ. Первымъ дѣломъ его, по прибытіи туда, было спустить на воду вновь выстроенный корабль. Но такъ какъ нужно было время для оснастки его и вооруженія; сверхъ того еще не пришелъ заказанный корабль изъ Голландіи, то царь, пользуясь свободнымъ временемъ, отправился въ Соловецкій монастырь поклониться, по обѣщанію, мощамъ святыхъ угодниковъ Зосимы и Савватія. Монастырь этотъ находится на островѣ, въ морѣ. Поэтому туда нужно было ѣхать на кораблѣ. Страшная буря застигла царя во время плаванія. Судно, сокрушаемое порывами вѣтра, казалось, сейчасъ же распадется или погрузится въ море. Бывалые моряки, управлявшіе имъ, не скрывали, что крушеніе неминуемо. Всѣ сопровождавшіе царя оцѣпенѣли отъ ужаса.

Молод. Петра Къ стр.

Неустрашимость Петра.

Одинъ онъ, пріобщившись Святыхъ Таинъ, безстрашно смотрѣлъ на бушующее море и самъ взялся за руль. Но въ это время къ нему рѣшился подойдти одинъ лоцманъ, Антипъ Тимоѳеевъ, служитель Соловецкаго монастыря. Онъ былъ опытный кормщикъ и зналъ хорошо тамошнія мѣста. Подойдя къ государю, онъ доложилъ, что только однимъ средствомъ можно спастись—это завернуть въ одну губу или маленькій заливъ, который былъ тутъ недалеко. Царь отдалъ ему руль, но не утерпѣлъ и началъ вмѣшиваться самъ. „Поди прочь! закричалъ на него лоцманъ; коли ты отдалъ мнѣ руль, такъ и не мѣшай!..“ Царь отошелъ въ сторону. Скоро судно счастливо прошло между двумя рядами подводныхъ камней. Вышедши на берегъ близъ одного монастыря, Петръ прямо отправился въ церковь, поблагодарить Бога за спасеніе. Въ память своего избавленія, онъ собственными руками сдѣлалъ деревянный крестъ въ полторы сажени, принесъ его на своихъ плечахъ и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ступилъ на землю. Увидѣвъ же лоцмана Антипа, царь, смѣясь, сказалъ ему: „а помнишь, какъ ты отдѣлалъ меня на морѣ?“ Испуганный лоцманъ бросился въ ноги. „Нѣтъ, ты былъ правъ, сказалъ Петръ, а я виноватъ.“ Онъ поцѣловалъ Антипа три раза въ голову, подарилъ ему на память все измокшее свое платье, далъ 30 рублей и сверхъ того назначилъ ежегодную пенсію и приказалъ освободить отъ монастырскихъ работъ. Когда утихла буря, Петръ исполнилъ свое обѣщаніе въ Соловецкомъ монастырѣ и возвратился въ Архангельскъ. Здѣсь, въ ожиданіи прибытія корабля изъ Голландіи, онъ рѣшился испытать всю морскую службу, такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную. Онъ избралъ себѣ въ учители одного искуснаго голландскаго шкипера. Тотъ сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. „Если хочешь учиться, сказалъ онъ, то начинай съ должности каютнаго мальчика.“ — „А въ чемъ же состоитъ эта должность?“ спросилъ царь. — „Вотъ, поди, раскури, мнѣ трубку. Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься повелѣвать.“—Царь бросился на кухню, схватилъ тамъ уголекъ и вмигъ исполнилъ приказаніе своего учителя.

„Хорошо“, сказалъ шкиперъ, „теперь полѣзай на мачту.“ Онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ такимъ образомъ всю службу морскую до офицерскаго чина. Между тѣмъ, скоро все было готово къ плаванію и морской походъ начался. Несмотря на неопытность моряковъ, онъ совершенъ былъ благополучно. Великій шкиперъ съ своими сподвижниками достигъ крайняго пункта Бѣлаго моря, и впервые взглянули русскіе на океанъ, который грозно въ это время шумѣлъ. По возвращеніи изъ плаванія, неутомимый Петръ не долго оставался въ Архангельскѣ. Онъ спѣшилъ въ Москву, къ новой задуманной имъ потѣхѣ. Здѣсь, неподалеку, отъ Симонова монастыря, за деревнею Кожухово, уже сдѣланы были приготовленія къ большимъ манёврамъ на сушѣ: выстроено было большое земляное укрѣпленіе, обнесено было большимъ валомъ и обведено рвомъ. Петръ вскорѣ, по прибытіи въ Москву, раздѣлилъ войска на двѣ непріятельскія арміи и открылъ манёвры по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Тутъ дѣлали подкопы, производили вылазки, устраивали приступы, бросали бомбы. Самъ царь участвовалъ въ этихъ манёврахъ въ званіи бомбардира Преображенскаго полка и отличился въ метаніи бомбъ. Кожуховскій походъ продолжался болѣе мѣсяца. Но онъ былъ послѣднею потѣхою Петра. Въ это время ему было двадцать два года слишкомъ и онъ изучилъ военное искусство болѣе, нежели насколько то возможно было тогда. Все, что нужно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, артиллеристу, инженеру, — все узналъ этотъ необыкновенный царь своимъ опытомъ и изучилъ такъ основательно, что едва-ли кто изъ окружавшихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, править рулемъ, наводить орудія, бросать бомбы, дѣлать подкопы, взрывать укрѣпленія. Свои познанія въ военномъ искусствѣ великій царь рѣшился теперь приложить къ дѣлу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: „Хотя въ ту пору, какъ осенью въ продолженіи пяти недѣль потѣшались мы подъ Кожуховымъ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было,

однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла."

Вотъ какъ провелъ свои молодые годы Петръ Великій. Онъ много испыталъ огорченій. Иногда долженъ былъ страшиться за самую жизнь свою. Разсказываютъ, что отъ этого у него рано начала трястись голова, а на лицѣ появлялись конвульсіи или подергиванія. Но огорченія и страхи не ожесточили сердце великаго царя. Для блага своего народа онъ добровольно обрекъ себя на тяжелый трудъ и науку. Желая быть примѣромъ во всемъ, онъ всему учился, все старался узнать, не гнушался ни какимъ трудомъ; руки его были всѣ въ мозоляхъ, какъ у простаго работника. Онъ зналъ въ совершенствѣ однихъ ремеслъ четырнадцать. Зато только одинъ онъ и могъ совершить тѣ великія дѣла, которыя поставили его выше всѣхъ прежнихъ государей Россіи.

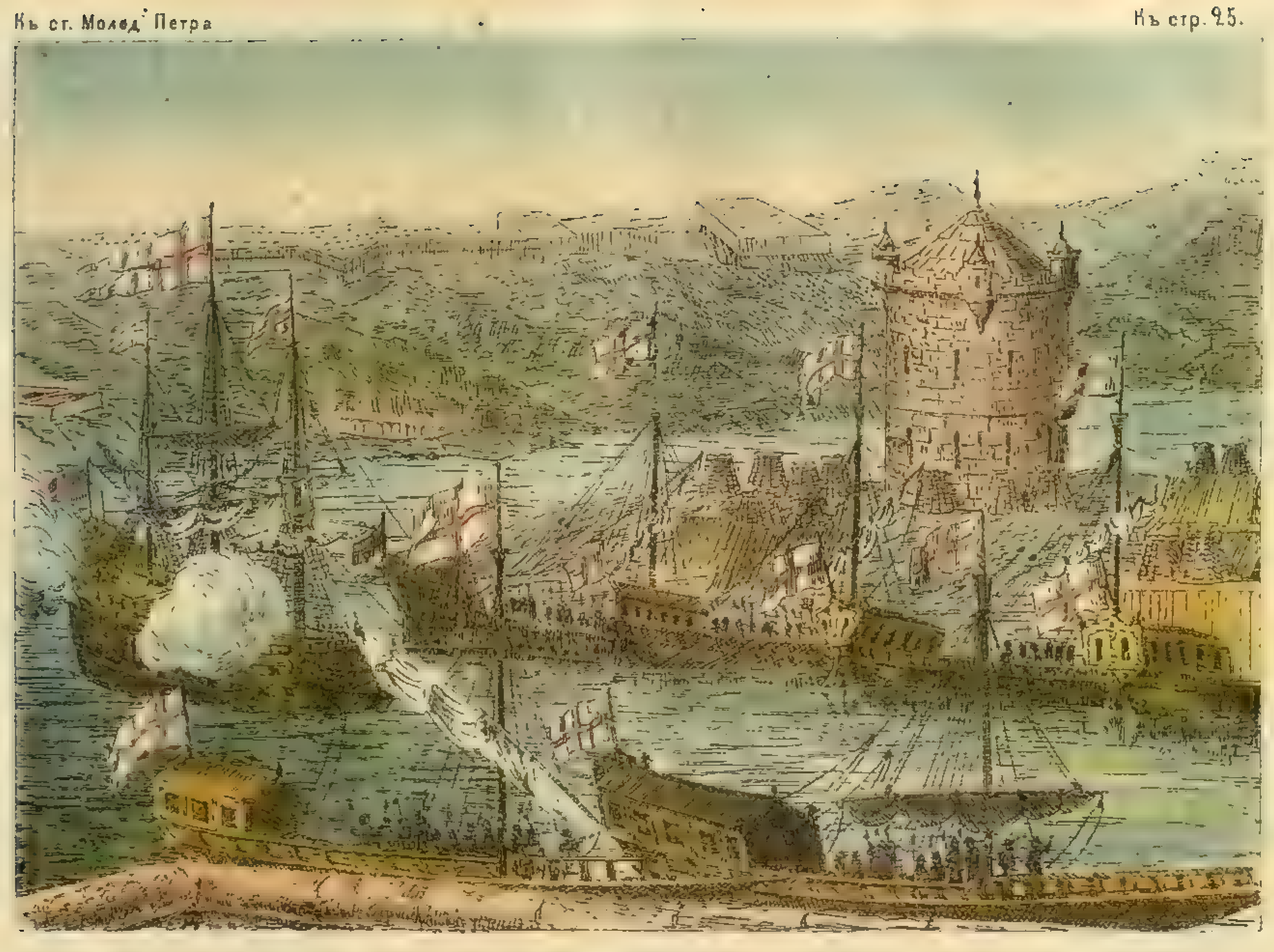
КАКЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ДОБЫЛЪ МОРЕ И СОЗДАЛЪ РУССКІЙ ФЛОТЪ.

Задачу всей жизни Петра, цѣль всѣхъ его задушевныхъ помысловъ, неимовѣрныхъ трудовъ и нечеловѣческихъ усилій составляло прежде всего желаніе добыть море, черезъ которое русскіе могли бы удобно сноситься съ другими образованными народами, торговать съ ними и перенимать отъ нихъ все хорошее и полезное. И прежде Петра цари наши думали объ этомъ. Нѣкоторые даже воевали съ этою цѣлію, напримѣръ, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный и отецъ Петра, Алексѣй Михайловичъ; но никто изъ нихъ не имѣлъ успѣха, потому что не съ такою рѣшимостію и умѣньемъ принимались они за это дѣло, какъ этотъ великій государь. Онъ съ молодыхъ лѣтъ, сознавши необходимость пріобрѣтенія для Россіи морскаго пути, устремился къ этой цѣли съ такою настойчивостію и съ такимъ самоотверженіемъ, которыя приводятъ насъ въ изумленіе и заставляютъ благоговѣть передъ нимъ.

Когда Петръ сдѣлался царемъ, русскіе владѣли только однимъ Бѣлымъ моремъ, черезъ которое можно было имъ сноситься съ полуденною Европой, и у береговъ этого моря находился только одинъ торговый городъ— Архангельскъ, куда приходили иноземные корабли для торговли съ ними. Да и это-то море слишкомъ далеко отъ Москвы и отъ плодородныхъ мѣстъ и, кромѣ того,

морской путь тамъ бываетъ совершенно свободенъ отъ льда не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ въ году. Петръ, изучивши самъ въ молодые годы военное искусство и научивши ему свое войско, рѣшился во чтобы то ни стало пріобрѣсть берега Чернаго или Балтійскаго морей, по которымъ гораздо удобнѣе сноситься съ чужими народами и выгоднѣе торговать. Но первымъ владѣли турки, а вторымъ — шведы. Эти народы были тогда очень сильны, и справиться съ ними было весьма трудно. Однако Петръ, рѣшивши разъ дѣло, не откладывалъ его вдаль. Онъ попытался прежде утвердиться на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, куда впадаютъ большія наши рѣки — Донъ и Днѣпръ. При впаденіи Дона въ Азовское море у турокъ находилась сильная крѣпость — Азовъ. Ее-то и рѣшился Петръ прежде всего взять, тѣмъ болѣе, что турки были тогда съ нами во враждѣ. Онъ самъ отправился туда съ войскомъ въ чинѣ бомбардира Преображенскаго полка и осадилъ крѣпость. Великій бомбардиръ самъ во время осады во всемъ подавалъ примѣръ, и вездѣ былъ первый: самъ изготовлялъ снаряды, наводилъ орудія, прикладывалъ пальникъ, работалъ въ траншеяхъ съ циркулемъ въ рукахъ. Опасность постоянно угрожала его жизни. Братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, и любимая сестра, Наталья Алексѣевна, зная его безстрашіе, умоляли въ письмахъ беречь свое здоровье и хранить себя отъ вражескихъ пуль. Петръ по этому случаю разъ писалъ сестрѣ: „Сестрица! по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожъ хотя и ходятъ только по ся поры вѣжливо!" Воодушевляемые самоотверженіемъ царя, солдаты сражались и работали, также не щадя жизни. Но Петръ вскорѣ убѣдился, что безъ кораблей крѣпости нельзя взять, такъ какъ турки моремъ подвозили въ нее и запасы, и людей. Онъ отступилъ, но съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее лѣто придти сюда съ кораблями и взять Азовъ, во чтобы то ни стало. Царь задумалъ въ теченіе зимы построить такой флотъ, который заперъ бы туркамъ входъ въ крѣпость съ моря.

Осада Азова.

Вещь почти немыслимая, потому что въ Россіи не было тогда ни настоящихъ верфей, ни хорошихъ корабельныхъ мастеровъ. Но могучая воля Петра преодолѣла всѣ препятствія. Подъ Воронежомъ близъ р. Дона, гдѣ росъ хорошій корабельный лѣсъ, онъ устроилъ верфь, собралъ туда всѣхъ мастеровъ, какихъ только могъ найдти, и приступилъ къ дѣлу. Онъ заставилъ работать тамъ плотниковъ даже съ чужеземныхъ кораблей, бывшихъ тогда въ Россіи. Неутомимый царь и самъ пріѣхалъ въ Воронежъ. Дни и ночи проводилъ онъ на верфи и въ холодъ, и въ дождь; работалъ то съ циркулемъ въ рукахъ, то съ топоромъ; однимъ указывалъ, другихъ понуждалъ. Зато, дѣйствительно, къ лѣту было построено тридцать не большихъ судовъ, которые по Дону и спущены были къ Азову. Самое же лучшее судно изъ этихъ кораблей, самое легкое на ходу и красивое по отдѣлкѣ, было выстроено Царемъ-плотникомъ. Въ новопостроенномъ флотѣ Петръ принялъ чинъ капитана. Подступивъ къ Азову съ флотомъ, русскіе загородили теперь дорогу туркамъ съ моря къ устьямъ Дона, и крѣпость должна была скоро сдаться. Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву. Замѣчательна при этомъ скромность великаго царя. Генералы его ѣхали по улицамъ Москвы въ пышныхъ мундирахъ, въ раззолоченныхъ каретахъ, а онъ, въ простомъ мундирѣ морскаго капитана, шелъ передъ своимъ полкомъ. Взятіе Азова было дѣйствительно большимъ торжествомъ для русскихъ, потому что это была первая побѣда ихъ надъ басурманами-турками, еще страшными тогда для всей Европы. Поэтому о взятіи Азова поется даже въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ. Вотъ одна пѣсня.

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія!
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ.
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты въ строю стоятъ.
Что не золотая трубушка вострубила,
Что возговоритъ нашъ батюшка-православный царь:
Ахъ, вы гой еси всѣ князья и бояре!
Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте,

Еще какъ намъ Азовъ-городъ взяти?
Еще князи и бояре промолчали.
Еще-жъ самъ нашъ батюшка прослезился.
Ахъ, вы гой еси солдаты и драгуны!
Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую,
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?
Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,
Что возговорятъ солдаты и драгуны:
Взять-ли намъ, не взять-ли бѣлой грудью.
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли
Подъ тотъ-ли подъ славный подъ Азовъ-городъ,
Что подъ тѣ-ли стѣны бѣло-каменны,
Ахъ подъ тѣ-ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ-ли бѣлы камни покатились,
Покатились со стѣнъ непріятели.
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися бѣлы груди басурманскія.
Ахъ, не съ дождика ручьи разливалися.
Разливалася тутъ кровь нечистая.“

Въ Москвѣ многіе радовались покоренію Азова, потому что видѣли въ этомъ конецъ трудамъ и тревогамъ, никакъ не воображая, что это было только начало трудовъ. Петръ на дѣлѣ увидѣлъ, какъ необходимъ флотъ для торжества Россіи надъ сосѣдями, и потому рѣшился теперь же, не откладывая дѣла, завести настоящій флотъ. Еще до возвращенія въ Москву, на другой день послѣ взятія Азова, онъ поручилъ составить планъ укрѣпленія его, а самъ, не теряя ни минуты, отправился отыскивать мѣсто, гдѣ бы устроить гавань для будущаго флота, и нашелъ его у мыса Таганъ-Рога. Въ воображеніи Петра уже рисовались русскіе корабли, плавающіе по Азовскому и Черному морямъ, и крѣпости, возвышающіяся на берегахъ ихъ. По возвращеніи же въ Москву онъ немедленно созвалъ бояръ и предложилъ имъ пріискать средства для безотлагательной постройки настоящаго флота. Рѣшено было, что всѣ—и дворяне, и духовные, и купцы, и посадскіе — должны, по мѣрѣ силъ, принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ. Тогда

составились компаніи, вызваны были изъ чужихъ краевъ корабельные мастера, и на Воронежской верфи началась спѣшная постройка кораблей. Чтобы положить прочное начало морскому дѣлу, царь выбралъ изъ знатныхъ фамилій до 50 молодыхъ людей и отправилъ ихъ заграницу изучать тамъ кораблестроеніе, мореплаваніе и другія необходимыя для этого науки. Къ каждому изъ нихъ было приставлено по одному солдату, какъ для наученія морскому дѣлу, такъ и для того, чтобы они смотрѣли за баричами, не привыкшими къ труду. Дѣйствительно, съ большою неохотою, даже со слезами, отправлялись они въ дальніе края, тѣмъ болѣе, что не знали иноземныхъ языковъ, да и на иноземцевъ-то, къ которымъ ѣхали, большею частію смотрѣли какъ на басурмановъ и еретиковъ. Одинъ изъ посланныхъ даже бѣжалъ съ дороги на Аѳонскую гору и тамъ постригся. Но воля царя, думавшаго только о благѣ государства, была непреклонна. Посланнымъ объявлено было, чтобы они и не думали возвращаться въ отечество безъ письменныхъ свидѣтельствъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія; въ противномъ случаѣ будутъ лишены имуществъ. Всегда первый труженикъ, подававшій во всемъ примѣръ собою, Петръ собрался и самъ за-море, что бы поучиться тамъ тому—другому, пятому-десятому, посмотрѣть на разныя диковинки, о которыхъ такъ много слышалъ отъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, а главное поучиться корабельному и морскому дѣлу, поработать самому на голландскихъ, англійскихъ и другихъ верфяхъ. Чтобы избавиться отъ разныхъ церемоній, пышныхъ встрѣчъ, торжественныхъ въѣздовъ, а главное, чтобы не быть предметомъ любопытства, Петръ придумалъ такое средство. Онъ снарядилъ пословъ къ иноземнымъ государямъ, а самъ записался въ ихъ свиту, подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Всѣ почести предоставилъ онъ посламъ, на свою же долю взялъ трудъ и науку. Свитѣ посольской строго запрещено было разсказывать, что въ ней находится самъ царь. На письмахъ къ нему велѣно было надписывать: „Господину Петру Михайлову.“ Къ царскимъ письмамъ прикладывалась печать,

которая представляла молодаго плотника, окруженнаго карабельными инструментами и военными орудіями, съ надписью: „азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую,“ т. е. я нахожусь въ числѣ учащихся, и ищу, кто бы меня научилъ. Безпримѣрное дѣло представляетъ это путешествіе Петра. Царь оставляетъ тронъ, ввѣряетъ управленіе государствомъ боярамъ, а самъ ѣдетъ въ чужія земли учиться, для того, чтобы потомъ добыть путь въ просвѣщенную Европу, научить свой народъ и поравнять его съ образованными народами. Дѣйствительно, все почти время пребыванія своего за-границею Петръ провелъ въ наукѣ. Онъ ко всему внимательно присматривался, все старался узнать, посѣщалъ фабрики, заводы, крѣпости, арсеналы, библіотеки, аптеки, заходилъ въ школы, знакомился съ учеными людьми, слушалъ ихъ лекціи. Такъ въ Пруссіи, поджидая пословъ, онъ сталъ учиться артиллеріи и получилъ отъ учителя своего аттестатъ, въ которомъ говорилось, что въ непродолжительное время, къ общему изумленію, онъ такіе оказалъ успѣхи, что вездѣ за искуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера признаваемъ быть можетъ. Въ другомъ мѣстѣ, зашедши къ одному ученому человѣку, у котораго было богатое собраніе разныхъ рѣдкихъ вещей, онъ такъ засмотрѣлся, что съ трудомъ рѣшился выйдти оттуда. Онъ познакомился съ этимъ ученымъ, запросто обѣдалъ съ нимъ, слушалъ лекціи его и впослѣдствіи купилъ у него собраніе рѣдкостей. На одной писчебумажной фабрикѣ Петръ, приглядѣвшись какъ дѣлаютъ бумагу, проворно черпнулъ изъ чана жидкости и выкинулъ отличный листъ, такъ что мастеръ похвалилъ его. Зашедши на одну мельницу, гдѣ мололи крупу, царь помогалъ рабочимъ починивать ее. Все хотѣлъ видѣть и знать сгаравшій жаждою къ знаніямъ царь. Боялись быть проводниками его, не надѣясь удовлетворить его любознательности. Случалось, что когда ему попадалось что-нибудь особенно любопытное, онъ бросался на диковинку, забывая даже о приличіяхъ. Разъ увидѣлъ онъ на улицѣ даму съ маленькими эмалевыми часами, тотчасъ же подошелъ къ ней, ни слова не говоря, вынулъ

у ней часы изъ-за пояса, внимательно разсмотрѣлъ ихъ и, положивъ обратно, пошелъ далѣе. Въ другой разъ очень любопытнымъ показался ему парикъ одного нѣмецкаго придворнаго; онъ мигомъ стащилъ его съ головы царедворца, повертѣлъ въ рукахъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и, разсмѣявшись, бросилъ въ уголъ. Прослышали о великомъ путешественникѣ двѣ ученыя нѣмецкія государыни и захотѣли непремѣнно познакомиться съ нимъ. Онѣ нарочно пріѣхали въ одинъ городокъ, черезъ который долженъ былъ проѣзжать Московскій царь, и здѣсь видѣлись съ нимъ. „Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его своими глазами“, писала потомъ одна изъ нихъ; „онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства.. Если бы его лучше воспитали, онъ былъ бы примѣромъ совершенства.“ Но главною цѣлію путешествія Петра, какъ сказано, было изученіе кораблестроенія и мореплаванія. Голландскіе корабельные мастера изъ мѣстечка Саардама, работавшіе въ Россіи, такъ много наговорили Петру о своей отчизнѣ, что онъ тутъ только надѣялся постигнуть всю суть этого дѣла. Поэтому и спѣшилъ сюда, оставивъ пословъ назади. Царь уже переодѣлся въ одежду голландскаго плотника, надѣлъ красную фризовую куртку, холстинные шаровары и лакированную шляпу. Подъѣзжая къ Саардаму, онъ увидѣлъ знакомаго кузнеца, который работалъ прежде въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловилъ здѣсь рыбу. Царь окликалъ его. Кузнецъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ въ такомъ костюмѣ Россійскаго монарха, но еще болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ желаніе поселиться у него на нѣсколько мѣсяцевъ, съ условіемъ никому не говорить объ этомъ. Кузнецъ сталъ отговариваться бѣдностію и тѣснотою хижины. Въ самомъ дѣлѣ у него былъ маленькій деревянный домикъ, покрытый черепицею, въ два окна, раздѣленный на двѣ комнаты, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ. Но Петръ настаивалъ, и кузнецъ долженъ былъ согласиться. Онъ отвелъ ему заднюю половину домика, которая была въ наймахъ у вдовы како-

го-то подевьщика. Вотъ въ какомъ дворцѣ поселился великій царь, тщательно скрывая свой санъ, лишь бы только изучить искусство, необходимое для возвеличенія Россіи.

На другой день Петръ, закупивъ инструменты, отправился на верфь и тамъ записался плотникомъ. И каждый день съ солнечнымъ восходомъ царь-плотникъ ходилъ на верфь и работалъ тамъ до поту, а потомъ, для подкрѣпленія силъ, отправлялся въ гостинницу обѣдать, или просто заходилъ по дорогѣ на рынокъ покупалъ провизію, и, придя домой, самъ варилъ себѣ похлебку. Случалось также, что онъ заходилъ въ семейства саардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву, и у однихъ обѣдалъ, у другихъ выпивалъ стаканъ джину. До сихъ поръ сохранились у нихъ въ потомствѣ разные разсказы о необыкновенномъ царѣ-плотникѣ.

Но скоро въ Саардамѣ не стало покоя Петру. Саардамцы, по величественному виду чужеземца, по его повелительнымъ пріемамъ и такъ догадывались, что это не простой плотникъ, а тутъ письмо, полученное изъ Москвы однимъ саардамцемъ, совершенно выдало его. Въ письмѣ говорилось, что въ Голландіи будетъ русское посольство въ свитѣ котораго находится самъ царь, что вѣроятно царь посѣтитъ Саардамъ и что его легко узнать по высокому росту, по трясенію головы, по привычкѣ размахивать правою рукою и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Письмо было прочитано въ одной цирюльнѣ, а вскорѣ послѣ того туда зашли московскіе гости. Разумѣется, въ числѣ ихъ сейчасъ-же узнали царя. Тогда ему не стали давать проходу. Какъ только онъ выйдетъ, цѣлая толпа окружитъ его и глазѣетъ. Это чрезвычайно сердило Петра, и онъ перебрался въ другое мѣсто, болѣе покойное, а именно въ Амстердамъ. Здѣсь онъ распредѣлилъ своихъ царедворцевъ по разнымъ мастерствамъ: однихъ заставилъ учиться мачтовому дѣлу, другихъ парусному, третьихъ блочному и т. д. Самъ же записался плотникомъ къ одному мастеру, для царя былъ заложенъ новый корабль. На другой день послѣ этого Петръ писалъ въ Москву къ патріарху: „Мы въ городѣ Амстердамѣ благодатію

Петръ I въ Сардамѣ на Корабельной верфи

Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути... Чего до послѣдняго издыханія желать не престану. "Не отличаясь ни чѣмъ отъ простыхъ плотниковъ, Петръ безпрекословно выполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Одинъ англичанинъ пріѣхалъ нарочно посмотрѣть на царя-плотника. Въ это время переносили тяжелое бревно. Желая показать англичанину царя, мастеръ закричалъ: „плотникъ Петръ Саардамскій! Что же ты не пособилъ своимъ товарищамъ!" И Петръ тотчасъ же подставилъ свое плечо и помогъ перенести бревно. Вообще онъ охотно говорилъ со всѣми, когда его называли просто: „Плотникъ Петръ Саардамскій," но отвращался и не отвѣчалъ ни слова, когда его называли: „Государь или ваше величество."

Четыре мѣсяца съ половиною учился Петръ въ Амстердамѣ. Корабль, заложенный для него, былъ уже выстроенъ и спущенъ на воду. Державный плотникъ поглотилъ всю голландскую корабельную мудрость, но не могъ удовлетвориться ею. Онъ сталъ задавать своему мастеру такіе вопросы, на которые тотъ не въ силахъ былъ отвѣчать. И стало грустно Петру, что онъ предпринялъ такой дальній путь, а желаемой цѣли не достигъ. Но вотъ онъ узнаетъ, что можетъ получить отвѣтъ на свои вопросы въ Англіи. Петръ отправляется туда, работаетъ тамъ на одной верфи, не подалеку отъ Лондона, еще около трехъ мѣсяцевъ, и такимъ образомъ изучаетъ корабельное дѣло въ совершенствѣ. „Навсегда остался бы я только плотникомъ, говаривалъ онъ впослѣдствіи, если бы не поучился у англичанъ."

Король англійскій доставилъ Петру удовольствіе видѣть примѣрное морское сраженіе. Царь такъ былъ восхищенъ этимъ зрѣлищемъ, что сказалъ: „если бы я не былъ царемъ въ Россіи, то желалъ-бы быть адмираломъ въ Англіи."

Изъ Англіи Петръ думалъ пробраться въ Венецію, чтобы поучиться тамъ строить мелкія суда или галеры, и искусною постройкою которыхъ славились

венеціяне. Но разныя дѣла помѣшали этому, и онъ вернулся въ Россію. Петръ пробылъ въ чужихъ краяхъ около полутора года, и большую часть этого времени употребилъ на изученіе кораблестроенія о мореплаванія.

По возвращеніи изъ за-границы Петръ съ жаромъ принялся приводить въ исполненіе свою завѣтную мысль. Къ этому времени на Воронежской верфи, по царскому указу, словно въ сказкѣ, по щучьему велѣнію, явился цѣлый флотъ. Когда царь прибылъ туда, ему представилось восхитительное зрѣлище. Рѣка покрыта была множествомъ судовъ, большихъ и малыхъ. Не менѣе двадцати большихъ кораблей ожидали только царскаго повелѣнія, чтобы поднять паруса. Петръ самъ вывелъ свой флотъ въ Азовское море. Сооруженіе флота на степной рѣкѣ, на огромномъ разстояніи отъ морскаго берега, было такимъ дивомъ, что многіе иностранцы нарочно пріѣзжали посмотрѣть на него. Турки же пришли въ ужасъ когда флотъ нашъ появился въ морѣ. Они съ изумленіемъ осматривали корабли, ощупывали ихъ, даже соскребали смолу, допытываясь, изъ какого дерева они сдѣланы; и ни какъ не хотѣли вѣрить, чтобы такой флотъ могъ быть выстроенъ въ Россіи и русскими людьми. Между тѣмъ Петръ отправилъ посла своего на 46-пушечномъ кораблѣ въ Константинополь, требовать отъ султана турецкаго уступки какихъ-нибудь городовъ на Черномъ морѣ. Посолъ подплылъ съ пальбою изъ пушекъ къ самому Константинополю и бросилъ якорь въ виду дворца, къ изумленію султана и всѣхъ турокъ. Султанъ не могъ понять, какъ такое судно могло пройдти въ мелководномъ устьѣ Дона и очень тревожился. Министры утѣшали его: говорили, что оно плоскодонное и къ плаванію въ бурную погоду не годится.

Но Петръ на этотъ разъ хотѣлъ болѣе попугать турокъ своимъ флотомъ, чтобы они не начинали войны. На самомъ же дѣлѣ у него уже все готово было для войны съ шведами, у которыхъ онъ намѣревался отнять старинныя русскія земли по берегамъ Невы и финскаго залива, и завести здѣсь свой флотъ. Дѣйстви-

тельно, на другой-же день по заключенiи мира съ турками, объявлена была война шведамъ. Но Швецiя въ это время была очень сильна. Поэтому царь, прежде нежели рѣшился воевать съ нею, заключилъ союзъ съ польскимъ и датскимъ короеями. Союзники въ одно время съ разныхъ сторонъ напали на шведовъ, и тѣмъ болѣе надѣялись одолѣть ихъ, что король у нихъ былъ въ это время очень молодой и, повидимому, неопытный. Его звали Карлъ XII. Однакожъ оказалось, что онъ былъ необыкновенно храбрый полководецъ и очень любилъ воевать. Онъ самъ повелъ свои войска сначала противъ датчанъ и заставилъ ихъ отказаться отъ союза, потомъ обратился противъ русскихъ, которые осаждали въ это время шведскiй городъ Нарву, и тоже разбилъ ихъ, наконецъ отправился въ Польшу противъ третьяго врага своего, но, по выраженiю Петра, увязъ тамъ. Онъ долго гонялся тамъ за польскимъ королемъ, бралъ штурмомъ города, разрушалъ ихъ, наконецъ свергъ короля съ престола и загналъ его въ нѣмецкую землю. Между тѣмъ Петръ въ это время успѣлъ оправиться.

Въ несчастiи, въ трудныхъ обстоятельствахъ познается величiе человѣка. И Петръ именно теперь-то обнаруживаетъ это величiе своей души. „Господа шведы, говорилъ онъ послѣ нарвскаго пораженiя, можетъ быть, и еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся и побѣждать ихъ“. Чтобы ободрить упавшiй духомъ свой народъ, онъ какъ буря носится изъ одного конца Россiи въ другой. Вездѣ и за всѣмъ смотритъ самъ, все приводитъ въ движенiе, во всемъ подаетъ примѣръ; въ одномъ мѣстѣ берется за топоръ, въ другомъ за молотъ, однихъ ободряетъ, другихъ понуждаетъ. И горе было тому, кто думалъ въ это время отдѣлаться отъ работы для общаго дѣла! Опасаясь, какъ-бы послѣ нарвской побѣды, Карлъ не двинулся во внутрь Россiи, Петръ принялся укрѣплять Псковъ и Новгородъ. Во Псковѣ онъ согналъ на работу всѣхъ, даже духовныхъ лицъ и женщинъ.

Но прежде всего, разумѣется, нужно было войско. Собравъ разсѣянные полки, онъ сталъ пополнять ихъ рекрутами и обучать ратному строю. Съ этихъ поръ и

начались у насъ постоянные рекрутскіе наборы. Войско это только и знало одну военную службу. За то царь заботился о достаточномъ продовольствіи его и содержаніи. Чтобы увѣриться, сколько именно нужно солдату пищи, онъ самъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ на одномъ солдатскомъ пайкѣ.

Для содержанія войска, Петръ потребовалъ денегъ отъ богатыхъ монастырей; для отливки пушекъ приказалъ снять съ церквей лишніе колокола. Благодаря такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, у Петра въ какой-нибудь годъ времени, явилось новое войско, которое начало одерживать побѣды надъ шведами, считавшимися доселѣ непобѣдимыми. Велика была радость его, когда онъ получилъ извѣстіе о первой побѣдѣ, хотя она была и незначительная. „Слава Богу! воскликнулъ онъ, наконецъ мы можемъ бить шведовъ!“ Главнокомандующему графу Шереметеву посланъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, портретъ царскій, осыпанный брилліантами и пожалованъ былъ чинъ фельдмаршала. Въ Москвѣ по случаю этой побѣды цѣлый день звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, а вечеромъ сожгли фейерверкъ. И было чему радоваться! Послѣ этой побѣды русское войско ободрилось, и шведы начали терпѣть одно пораженіе за другимъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пока король ихъ Карлъ XII воевалъ въ Польшѣ.

Теперь Петръ приступилъ къ выполненію давно задуманной имъ мысли—къ утвержденію на берегахъ Балтійскаго моря. Онъ самъ прибылъ къ войску и повелъ его на берега Невы. Здѣсь, при истокѣ рѣки изъ Ладожскаго озера стояла сильная шведская крѣпость Нотебургъ, старинный русскій городъ Орѣшекъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе шведовъ, городъ былъ взятъ, и Петръ писалъ: „Правда, что зѣло крѣпокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ“. Онъ назвалъ его Шлиссельбургомъ, то есть, ключомъ-городомъ, потому что, взявъ его, надѣялся отпереть русскимъ входъ въ Балтійское море. И дѣйствительно, вскорѣ здѣсь взята была послѣдняя шведская крѣпостца, лежавшая при впаденіи Охты въ Неву, а чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Петръ былъ весьма обрадованъ первою побѣдою надъ шведами на морѣ.

Заложеніе С.-Петербурга.

Шведы, не зная еще о взятіи крѣпостцы, подплыли къ устью Невы, съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить гарнизонъ свой. Дѣло было ночью. Царь, получивъ извѣстіе объ этомъ, съ двумя полками гвардіи подкрался на лодкахъ къ непріятельскимъ судамъ и, не смотря на жестокую пальбу съ нихъ изъ пушекъ, окружилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ. При этомъ онъ въ числѣ первыхъ взошелъ на непріятельское судно и былъ награжденъ за этотъ геройскій подвигъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Такъ Петръ овладѣлъ берегами Невы.

Разъѣзжаетъ онъ по новой завоеванной странѣ и высматриваетъ, гдѣ-бы удобнѣе укрѣпиться здѣсь. Вотъ какъ изобразилъ думы Петра въ эти минуты славный поэтъ нашъ Пушкинъ:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася. Бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мглистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца.
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ:
И запируемъ на просторѣ“.

Царь самъ выбралъ мѣсто для крѣпости на островкѣ, который казался ему лучше и удобнѣе другихъ. Островокъ этотъ назывался у шведовъ Люстъ-Элантомъ, или веселымъ островомъ. Петръ собственными руками срубилъ здѣсь березу, сдѣлалъ крестъ и поставилъ его, сказавъ: „здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя св.

апостоловъ Петра и Павла". Поэтому и городъ сталъ называться Санкт-Петербургомъ, то есть, городомъ св. Петра. Крѣпость сначала была деревянная, а черезъ нѣсколько лѣтъ стали выводить ее изъ камня. Неподалеку отъ крѣпости построенъ былъ царскій дворецъ, деревянный, покрытый дощечками въ видѣ черепицы и состоявшій изъ двухъ комнатокъ, раздѣленныхъ сѣнями, съ передней и кухней. Тутъ-же начали строить жилья для начальниковъ и солдатъ, гостиный дворъ и другія зданія. Въ память основанія Петербурга выстроена была деревянная церковь св. Троицы, потому что заложеніе его происходило въ Троицынъ день. Такимъ образомъ колыбелью Петербурга была нынѣшняя Петербургская сторона. Первымъ губернаторомъ Петербурга былъ любимецъ Петра, князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ. Изъ всѣхъ первоначальныхъ зданій Петербурга только домикъ Петра Великаго остался въ прежнемъ видѣ. Сохраняемый подъ особо устроеннымъ навѣсомъ, онъ сдѣлался святынею для русскаго народа и привлекаетъ къ себѣ толпы молельщиковъ. Одна изъ комнатъ его обращена въ молельню, а другая оставлена въ первобытномъ видѣ, и въ ней находится нѣсколько вещей временъ Петра Великаго: шкафы, комоды, стулья—все изъ дубоваго дерева.

Петербургъ строился въ виду шведовъ, постоянно грозившихъ ему съ моря. Для защиты его отъ нихъ Петръ, на островѣ, лежащемъ въ заливѣ, въ 25 верстахъ отъ города, построилъ крѣпость, которая называется Кронштадтомъ.

Такъ возникъ Петербургъ на берегу пустынной рѣки, посреди болотъ и лѣсовъ. Кое-гдѣ только виднѣлись здѣсь рыбачьи хижины. Мѣста эти, кромѣ того подвергались наводненіямъ при западномъ вѣтрѣ съ моря, и бѣдные обитатели ихъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бросали свои хижины и удалялись на Дудерову гору.

Но Петръ полюбилъ новый городъ какъ свое созданіе, а главнымъ образомъ потому, что съ основаніемъ его открывался морской путь въ просвѣщенную Европу, откуда русскіе должны были получать научныя свѣдѣнія и разные товары. Онъ называлъ его раемъ и

Къ стр. 31

Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго.

впослѣдствіи, когда уже видно было, что шведы не могутъ отнять его у насъ, поселился въ немъ навсегда и сталъ обстроивать его: при этомъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею рѣшительностію; сгонялъ туда рабочихъ со всѣхъ сторонъ и останавливалъ иногда каменныя постройки въ цѣлой Россіи, чтобы привлечь рабочихъ въ любимый городъ: постановлено было также, чтобы на каждой баржѣ, приходившей въ Петербургъ, на каждомъ въѣзжавшемъ возѣ непремѣнно привозилось извѣстное количество камней. Дорого обошлась Россіи постройка Петербурга. Полагаютъ, что постройка одной крѣпости стоила жизни тысячъ ста рабочихъ. Но Петръ, поселившійся самъ въ домикѣ о двухъ маленькихъ комнаткахъ, не обращалъ никакого вниманія на эти единичныя жертвы. Для него важно было только благо и польза цѣлаго народа.

Благодаря его неутомимымъ заботамъ, скоро на берегахъ Невы закипѣла жизнь. Вслѣдъ за государемъ сюда стали переселяться и вельможи, и купцы, и разные промышленные люди. Царь-же всячески поощрялъ это. Всякій могъ совершенно свободно выбирать себѣ любое мѣсто для постройки дома, и каждый самый незначительный человѣкъ могъ смѣло просить къ себѣ государя на закладку дома. Петръ охотно ѣхалъ, выпивалъ рюмку водки, милостиво поздравлялъ хозяина и благодарилъ его. Въ новомъ городѣ основана была также Лавра, и въ нее, въ концѣ царствованія Петра перенесены были изъ Владиміра мощи св. Александра Невскаго. Петръ самъ правилъ кораблемъ, на которомъ онѣ были привезены въ Лавру.

Особенно-же Петръ старался возвысить любимый свой городъ въ торговомъ отношеніи. Велика была радость его, когда къ Петербургу подошелъ при немъ первый иноземный корабль. Онъ самъ отправился на встрѣчу ему, самъ привелъ его въ пристань; шкиперъ и всѣ матросы его были обласканы и отлично угощены; царь былъ первымъ покупателемъ товаровъ на немъ, а по рекомендаціи его они были всѣ тотчасъ-же раскуплены. На прощаньи Петръ обнялъ и одарилъ шкипера и всѣхъ матросовъ деньгами. Прибытіе иностранныхъ судовъ вообще считалось какъ-бы праздникомъ и

возвѣщалось пушечными выстрѣлами. На самой оконечности Васильевскаго острова, вдающейся въ море, была построена каланча, и съ ней прямо во дворецъ давали знать государю, когда вдали показывались паруса купеческаго корабля. Къ концу царствованія Петра въ петербургской пристани развѣвались торговые флаги уже всѣхъ европейскихъ народовъ, а въ самомъ городѣ считалось уже до 40 тысячъ жителей. Такимъ образомъ, благодаря могучей волѣ Петра, какъ-бы изъ земли выросъ при морѣ новый городъ на удивленіе всему свѣту.

Завладѣвъ необходимою для Россіи мѣстностію при Балтійскомъ морѣ, Петръ готовъ былъ заключить со шведами миръ. Но прошло еще много времени, прежде нежели они согласились на это. Король шведскій Карлъ XII, разгромивъ Польшу, двинулся опять на Россію. Наступило время сойдтись въ чистомъ полѣ двумъ богатырямъ—русскому и шведскому, чтобы помѣряться силами, отъ которыхъ имъ, по выраженію пѣсни, „было грузно какъ отъ тяжелаго бремени". Петръ однакожъ былъ остороженъ. Онъ предлагалъ Карлу миръ, если только тотъ согласится уступить ему какой-нибудь приморской пунктъ, хоть одинъ Петербургъ. Но шведскій король въ это время былъ на верху славы. Его считали непобѣдимымъ и боялись, и онъ самъ думалъ, что нѣтъ никого, кто-бы могъ поспорить съ нимъ. Въ отвѣтъ нашему царю на мирное предложеніе, онъ назначилъ одного изъ своихъ генераловъ губернаторомъ Москвы. Закипѣлъ Петръ негодованіемъ за такую дерзость, загорѣлось его ретивое пуще прежняго. Онъ приказалъ опустошать страну, по которой шелъ непріятель, ломать мосты, истреблять запасы, жечь села и города. Куда ни придутъ шведы вездѣ все пусто, а народъ изъ-за кустовъ и угловъ стрѣляетъ въ нихъ. Разъ чуть не подстрѣлили самого Карла. Скоро шведы почувствовали большую нужду во всемъ, и Карлъ приказалъ одному генералу своему, стоявшему съ отрядомъ войска въ Прибалтійскомъ краѣ, придти на помощь къ себѣ. Петръ не допустилъ до этого. Онъ самъ напалъ на этого генерала и совершенно разбилъ его. Но Богъ послалъ еще одно боль-

шее испытаніе нашему великому царю. Совершенно неожиданно получаетъ онъ вѣсть, что малороссійскій гетманъ Мазепа, увѣрявшій въ полной преданности, измѣнилъ и передался шведскому королю. Къ счастію народъ малороссійскій остался вѣренъ православному царю. Поэтому шведы, пришедши въ Малороссію, и здѣсь находили однѣ развалины и терпѣли во всемъ недостатокъ. Къ довершенію ихъ бѣдственнаго положенія наступила такая жестокая зима, какой не помнили старожилы: птицы мерзли на-лету. Карлъ наконецъ и самъ начиналъ уже понимать опасность своего положенія и не разъ говорилъ: „вижу, что мы научили москвитянъ воевать! Многіе совѣтовали ему отступить опять въ Польшу; но стыдно было ему, избалованному побѣдами, дѣлать отступленія. Онъ, напротивъ, осадилъ городъ Полтаву. Здѣсь-то неподалеку отъ города, и разыгралась наконецъ кровавая игра. Въ Полтавѣ находился незначительный отрядъ нашъ, но имъ командовалъ весьма храбрый полковникъ, который лучше хотѣлъ погибнуть, нежели сдаться врагу. Шведы ослабѣли и упали духомъ, продолжая безполезно осаждать Полтаву. Самъ Карлъ получилъ здѣсь рану въ ногу. Всѣ совѣтовали ему отступить. Но онъ съ дерзкою самонадѣянностію говорилъ: „Если бы Богъ послалъ ангела Своего, съ повелѣніемъ отступить, то я и тогда не отступилъ бы.“ Наконецъ Петръ Великій дождался своего часа. Замѣтивъ слабость и упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ, онъ вознамѣрился дать Карлу подъ Полтавою рѣшительную битву. Это было лѣтомъ 1709 года. Днемъ битвы было 27 іюня, когда празднуется память св. Сампсонія. Съ ранняго утра войска русскія были поставлены въ боевой порядокъ и имъ прочитано было воззваніе, въ которомъ Великій Царь изрекъ слѣдующія достопамятныя слова: „Воины! говорилъ онъ, пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь.... А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога. Жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи.“ Еще звучали въ ушахъ русскихъ воиновъ возвышенныя слова эти, когда передъ ними показался тотъ, который писалъ ихъ.

Въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, въ трехъ-угольной шляпѣ, на бойкомъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ объѣзжалъ онъ полки и говорилъ: „порадѣйте, товарищи! Вѣра, церковь, отечество ждутъ этого отъ васъ.“ Радостными и громкими криками „ура“ отвѣчало войско на слова царя. Но вотъ шведы первые двинулись на насъ—и закипѣлъ отчаянный полтавскій бой. Петръ дѣйствительно не жалѣлъ жизни, и всюду являлся самъ, гдѣ грозила опасность. Пули сыпались на него градомъ; шляпа его была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ сѣдло также ударила пуля; сохранилось преданіе. что одна пуля попала ему грудь, но на груди былъ большой крестъ, и она отскочила. Король шведскій также не щадилъ себя. По случаю раненой ноги, его возили въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми; ядромъ убило обѣихъ лошадей; изъ тѣлохранителей короля перебиты были всѣ. Король также всюду являлся самъ и ободрялъ воиновъ. Но ничто не помогало. Ударъ Петра, напоръ русскихъ былъ неотразимъ. Бой продолжался два часа, съ 9-ти часовъ утра до 11-ти. Наконецъ одно ядро ударило въ самую качалку Карла, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю; думали, что онъ убитъ. Въ шведскомъ войскѣ между тѣмъ открылось всеобщее смятеніе. Когда короля приподняли и посадили на перекрещенныя пики, то онъ увидѣлъ, что всѣ бѣгутъ и въ отчаяніи закричалъ: "шведы! шведы!“ „Но непобѣдимые господа шведы, по выраженію Петра, хребетъ показали“ такъ, что никто и ничто уже не могло остановить ихъ. Вслѣдъ за бѣгущими пустился и Карлъ. Онъ едва успѣлъ переправиться за Днѣпръ и скрыться въ турецкой землѣ. Шведовъ пало на поляхъ полтавскихъ тысячъ десять, а еще болѣе взято въ плѣнъ; между плѣнными находились самыя знаменитыя лица—напримѣръ, первый министръ Карла и одинъ фельдмаршалъ. Такъ кончился славный полтавскій бой! Побѣдоносный Петръ, отправивъ казаковъ, преслѣдовать бѣгущихъ шведовъ, построилъ храбрыя войска свои, приказалъ поставить передъ ними походную церковь, и тутъ совершено было торжественное молебствіе, при громѣ пушекъ. Конца не было радостнымъ крикамъ солдатъ, когда Петръ, усталый отъ трудовъ и отъ волненій, возвращался на усталомъ конѣ

Къ стр.

Полтавскій бой

къ своей палаткѣ. Онъ весело кланялся имъ, махал своею шляпою и поздравляя съ побѣдою. Въ палаткѣ царя былъ приготовленъ столъ. При громѣ пушекъ побѣдители торжествовали неслыханную побѣду. Упоенный радостію, Петръ забылъ месть къ врагамъ и приказалъ позвать къ столу плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. Посреди пира вдругъ онъ встаетъ съ кубкомъ въ рукѣ и провозглашаетъ: „За здоровье учителей нашихъ въ ратномъ дѣлѣ!“ Кто же эти учителя? спросилъ плѣнный фельдмаршалъ. Вы, господа шведы, отвѣтилъ царь. Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей, промолвилъ печально фельдмаршалъ и выпилъ заздравный кубокъ. Въ Москвѣ полтавскую побѣду праздновали какъ Свѣтлое Христово Воскресенье; восемь дней звонили въ колокола, даже женщинамъ дозволено было звонить. И дѣйствительно, было что праздновать. Россія и Петръ вслѣдствіе этой побѣды вдругъ возвысились въ глазахъ своихъ гордыхъ сосѣдей. Недаромъ полтавскую побѣду называютъ русскимъ воскресеніемъ. Великая битва вдохновила нашего незабвеннаго поэта Пушкина, и вотъ какъ онъ изображаетъ ее въ стихахъ:

„Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядры, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ.
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.

. . . .

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ,
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се: равнину оглашая,
Далече грянуло „ура!“
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками
Могучъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
. . . .
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Везомый вѣрными конями,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

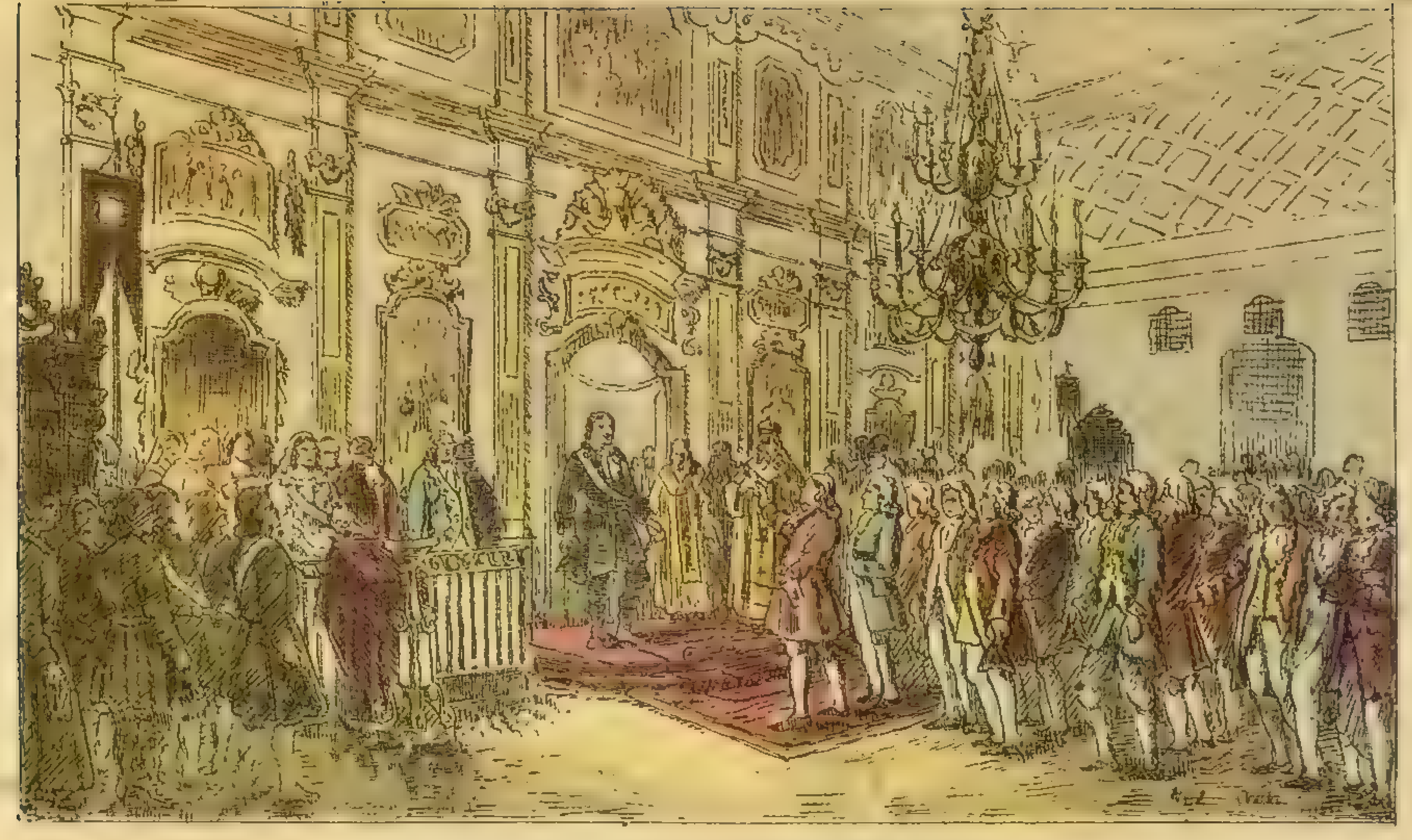

Празднованіе Нейштадтскаго мира.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины.
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ. Гнутся шведы.
О, славный часъ! О славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ.
И слѣдомъ конница пустилась.
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ;
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.„

Но, не смотря, однакожъ, на такую блистательную побѣду, борьба со шведами продолжалась еще лѣтъ двѣнадцать. Впрочемъ это послужило къ ихъ вреду. Они потерпѣли еще нѣсколько пораженій; потеряли много городовъ; лишились четверти всего населенія; самъ король ихъ былъ убитъ. Доведенные до послѣдней край-

ности, шведы наконецъ запросили мира. Петръ давно и самъ желалъ его, чтобы воспользоваться плодами своихъ заботъ и трудовъ, подвиговъ и побѣдъ, и дать отдохнуть народу. Поэтому согласился на мирные переговоры. Онъ былъ въ Выборгѣ, когда получилъ извѣстіе, что миръ заключенъ, и что шведы уступили намъ и Петербургъ, и Ригу, и Ревель, и Выборгъ и все побережье моря между этими городами. Немедленно же поплылъ онъ въ Петербургъ съ этою радостною вѣстію. Подплывая къ городу, Петръ каждую минуту стрѣляетъ изъ пушекъ; въ тоже время трубитъ трубачь. Народъ понялъ, въ чемъ дѣло и устремился толпами къ пристани, которая находилась тогда у крѣпости и Троицкаго Собора. „Миръ! братцы, миръ!“ закричалъ Петръ, подъѣхавъ къ пристани, и сейчасъ же въ соборъ. Пока служили молебенъ, на площади передъ соборомъ выстроили войска, выкатили бочки съ пивомъ и виномъ и устроили возвышенное мѣсто. На это возвышеніе, по окончаніи молебна, взошелъ Петръ, поклонился народу и сказалъ: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что столь долговременную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ съ Швеціею счастливый, вѣчный миръ.“ Сказавши это, онъ беретъ кубокъ и пьетъ за Россію. Народъ плачетъ и кричитъ: „Да здравствуетъ Государь!“ Между тѣмъ съ крѣпости палятъ изъ пушекъ; поставленныя на площади войска стрѣляютъ изъ ружей; по городу отправились съ извѣстіями о мирѣ вѣстовщики, держа въ рукахъ знамена и лавровыя вѣтви, а передъ ними трубили трубачи. Черезъ нѣсколько недѣль происходило церковное празднованіе мира. Тутъ, послѣ обѣдни, въ церкви подошли къ царю всѣ знатнѣйшіе сановники и главный изъ нихъ, выступивъ впередъ, произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова, обращаясь къ Петру: „Твоими неусыпными трудами, твоимъ единымъ руководеніемъ, царь, мы изъ тьмы невѣдѣнія и ничтожества на театръ славы всего свѣта вступили и присоединились къ образованнымъ народамъ.„ Въ заключеніи же рѣчи онъ просилъ царя, отъ лица всѣхъ подданныхъ, принять титулъ Отца оте-

Принятіе Петромъ Императорскаго Титула.

чества, великаго и императора всероссійскаго. При этомъ всѣ присутствующіе въ церкви три раза прокричали эти слова; между тѣмъ зазвонили въ колокола, затрубили въ трубы, забили въ барабаны, раздалась пушечная и ружейная стрѣльба. Петръ со смиреніемъ принялъ эту награду, и съ тѣхъ поръ наши цари стали называться императорами.

Петръ принимался праздновать миръ съ шведами нѣсколько разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Пирамъ, маскарадамъ, иллюминаціямъ, фейерверкамъ не было конца. Особенно оригинальное торжество устроено было имъ въ Москвѣ. Не менѣе 50 судовъ, сдѣланныхъ конечно изъ легкихъ досокъ, были поставлены на полозья, снабжены мачтами, парусами, пушками и въ назначенный день потянулись по улицамъ Москвы. Одни изъ этихъ кораблей везли медвѣди, другіе собаки, третьи— свиньи и т. д. Самый же большой корабль едва тащили пятнадцать дюжихъ коней. Царь, царица и всѣ знатные люди сидѣли на этихъ корабляхъ, одѣтые въ самые разнообразные костюмы. Петръ употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы развить въ своихъ подданныхъ любовь къ кораблямъ и охоту къ мореплаванію. Въ Петербургѣ съ этою цѣлію онъ учредилъ такъ называемую Невскую флотилію. Каждый изъ зажиточныхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ обязанъ былъ имѣть лодку. Въ воскресные и праздничные дни, по сигналу съ крѣпости, всѣ они, подъ опасеніемъ штрафа, должны были на своихъ судахъ выѣзжать на Неву; появлялся царь съ вельможами, и, при звукахъ музыки, вся эта флотилія отправлялась на взморье. Тамъ происходили манёвры въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а по окончаніи ихъ флотилія возвращалась къ лѣтнему дворцу, гдѣ владѣльцамъ лодокъ предлагалось угощеніе. Разсказываютъ также, что Петръ не строилъ въ Петербургѣ мостовъ черезъ Неву, для того, чтобы жители, вынуждаемые переѣзжать черезъ рѣку на лодкахъ, пріучались къ плаванію. Равнымъ образомъ Петръ издалъ также указъ, чтобы, какъ только сойдетъ ледъ съ Невы, никто не смѣлъ, подъ опасеніемъ тяжкаго денежнаго и тѣлеснаго наказанія, плавать по Невѣ на веслахъ, но чтобъ всѣ постоянно употребляли паруса. Для развитія

же морскаго дѣла настоящимъ образомъ, Петръ едва только добрался до моря, еще до окончанія шведской войны, завелъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ морскія школы, продолжалъ посылать молодыхъ людей за-границу, чтобы учиться тамъ кораблестроенію и мореплаванію, и, по возвращеніи оттуда, нерѣдко самъ экзаменовалъ ихъ; основывалъ верфи, заводы желѣзные и т. п. Благодаря такимъ заботамъ, у Петра скоро явился флотъ, который сдѣлался страшнымъ для шведовъ. Во время войны Петръ самъ нанесъ имъ большое пораженіе на морѣ, истребилъ часть ихъ флота и взялъ въ плѣнъ самого адмирала. Къ концу же царствованія Петра у насъ было уже около полусотни большихъ кораблей, кромѣ множества мелкихъ судовъ разнаго сорта.

Такъ, могучею волею Петра, его неустанными трудами и заботами, его самоотверженіемъ добыто было для Россіи море, удобное для сношеній съ полуденною Европою и на этомъ морѣ созданъ былъ русскій флотъ, страшный для сосѣдей.

Постоянныя заботы о флотѣ, о морѣ и другихъ государственныхъ дѣлахъ преждевременно состарили труженика-царя. Даже на морѣ онъ получилъ и простуду, которая ускорила его смерть. Плывя однажды по заливу, онъ увидѣлъ какъ бурею бросило на мель около Лахты ботъ, наполненный солдатами. Петръ самъ поспѣшилъ на помощь къ несчастнымъ и, спрыгнувъ въ воду, началъ вытаскивать ихъ. Человѣкъ двадцать такимъ образомъ было спасено. Но царь при этомъ такъ простудился, что уже не могъ совершенно оправиться и 28 января 1725 г. скончался къ великой горести всего народа.

Петръ спасаетъ утопающихъ на Лахтѣ

2007057064